

Е. В О Д О В О З О В

ТАЙНА ПОЛКОВНИКА ВЕБЕРА

В КАЗАЦКОЙ СТАНИЦЕ

На новом месте все было непривычным: и улицы, заросшие конотопом, и дома станичников - одноэтажные, угрюмые, с тяжелыми воротами, скрепленными железными болтами. На калитках почти везде висели огромные кольца-скобы. Чтобы достать такое кольцо, нужно тянуться на цыпочках. А пока тянешься, того и гляди, из подворотни выскочит здоровенная собака. У каждой калитки есть лазы, вышарканные лапами и животами волкодавов.

Не нравилось это Генке Волошину. В Мотовилихе, что под самой Пермью, все было не так, и собаки не такие огромные. Если доставалось там Генкиным штанам, то лишь от зубов вислоухих собачонок. Повиснет, бывало, незнакомый Бобик, вырвет клочок и ладно. А здесь совсем другие собаки: вроде не обращают на тебя внимания, но попробуй войди в чужой двор - сразу почувствуешь острые клыки волкодавов, живым не останешься - вот какие они страшные.

Об этих псах Генке немало порассказал новый приятель - Петька Суставов, вихрастый такой непоседа. Он высоко поднял штанину из домотканного полотна и ткнул пальцем в рубец чуть повыше коленки.

- Видал?

- Это чё?

- Вот те и чё, чёкалка,- ответил Петька, отпуская штанину.-

Сенафонтов Полкан тяпнул. Я к ним в огород за огурцами лазил. У Сенафонта огурцы сладкие, здоровущие. Сколь годов разводит, а на семена даже родным не дает. Жила. А еще казак. Оно, конечно, раз-давать огурцы выгоды нет. Дачники-то у кого больше покупают? У Сенафонта. На копейку дороже, а берут ходко. Если его Любка на базаре-удачи не жди,-рассказывал Петька.- Не берут товар, что хочешь делай. У нее огурцы во какие, а наши что против них? Орешки. И вот думаю: достану семенных огурцов -и тогда Сенафону нос утрем. Пролез в огород, а Полкан тут как тут. С улицы, проклятый, налетел. Я бы не дался, да не заметил, как и подскочил, вредный пес.

Во всей станице знают об этом лишь Петькина мать да бабка Кузнечиха. Целую неделю лечила Кузнечиха Петьку настоями да припарками из разных трав. Даже отец ничего не знал. Он все лето гнул спину на дальних покосах. Петька просил друга никому не рассказывать о том, что он лазил в огород.

- Не дай бог, Сенафонт узнает,- предупредил он своего приятеля. -Ухи оборвет. Он хуже Полкана, вреднящий.

Не надо знать о случае с Полканом и Петькиному отцу. Петька пояснил:

- Узнает - угробит собаку. А Сенафонт не простит. Выгонит с работы. Куда без лошади на зиму-то глядя?

Жили Суставовы в развалюхе. Иван Суставов, вернувшись с гражданской войны, батрачил на Ксенофонта Кадышева. А тот за работу обещал дать избенку, да только исполнить обещание не торопился ...

ЗАБРОШЕННЫЙ ПОЛКОВНИЧИЙ ДОМ

Со многими станичными мальчишками познакомился Генка, но по-настоящему сдружился только с Петькой. Может, сблизило их то, что, как и Иван Суставов, отец Генки с первого дня революции служил в Красной Армии,

много мотался с отрядом за подразверсткой. Да вот беда - заболел чахоткой. Послали его в станицу подлечиться, помогли устроиться на работу. Семья Волошиных временно поселилась в маленькой боковушке громадного дома Ксенофонта Кадышева, а по соседству горбилась развалюшка Суставовых. В Совете поговаривают, что под квартиры передадут большой полковничий дом. Эту новость домой принес Петька. Отец усмехнулся, погладил сына по голове своей большой теплой ладонью и сказал:

- Эх ты, коммунар, едят тебя мухи! .. В полковничьем доме пожить захотел. А котелки с паренками куда ставить будем? В каждой горнице печей не наставишь, а в господские каминны наши солдатские котелки не подойдут.

Генка в этот час был у Суставовых, сидел на скамейке, прибитой к стене, и ждал, пока друг управится с пустыми щами и краюхой ржаного хлеба.

"Красота! -размечтался Генка.- И нам бы там квартиру, и Петьке".

Но никакой красоты пока не получалось. Основательно был разорен полковничий дом. Остались только стены да крыша, да и к той уже подбирались. Пока казаки воевали, богатенькие станичники грели руки. Полковничье имущество перекочевало к ним в завозни и амбары.

Вечерами, когда в горницах зажиточных станичников зажигались лампы "молнии", когда коваными болтами наглухо крепились ставни, полковничья усадьба поднималась над всей этой мелкотой хмуро и таинственно. В пустом доме тускло светилося лишь маленькое оконце - раньше там помещалась людская. Теперь в ней жила мать полковника с тремя внучатами. Из богатства у старухи осталась только старомодная, шитая черным бисером дамская сумка да пенсне в золотой оправе на тоненькой шелковой тесемочке.

ПОТОМКИ ПОЛЬСКОГО ВОЛЬНОДУМЦА

Старуху Вебер и ее внучат новая власть не трогала. Пани Вебер с сыном добровольно поехала из Варшавы

в неведомую Сибирь к мужу, сосланному за участие в восстании против царя. Но муж умер. Пани Вебер возвращаясь, заболела и застряла в Оренбурге, да так и осталась там. Ее сын служил в Москве, выгодно женился. Бравый и статный офицер с помощью родственников жены очутился в охране царского дворца.

- Полковник то приехал в нашу станицу перед самой войной с германцем,- рассказывал другу Петька.- Сам-то больше в Челябине проживал, а бабушка с внуками здесь. Поперву-то Веберы в Кундравах остановиться хотели, да где там! Не поглянулось там полковнику. Вода в озере, вишь ты, мутная, и от железу домой ездить далеко.- Петька перешел на таинственный шепот: - Мамка видала полковника-то. На пиджаке живого места нет: медали, медали. Погоны сплошь золотые, так и горят. Тятя рассказывал, что в Питере какой-то бунт случился, а Вебер умирал. Народу страсть сколько побили. Тятя скаывает: "В крови кресты да медали-то". Полковнику солоно пришлось, вот и дал тягу ... Бабушка у них добрая,- продолжал Петька свой рассказ.- Походит на Бабу-Ягу, но ничго. Когда рука у меня болела, мы с мамкой к ней за иодой ходили. Половину пузырька налила. Не любит она сына-полковника.

Однажды вечером старуха явилась на заседание Совета. Она положила тетрадь, исписанную мелким почерком. Еле-еле прочитали. Ирина Казимировна обстоятельно доказывала, что род ее идет от польских бунтарей.

- Запутанная история,- сказал ей председатель Совета. - Но мы и так знаем: не ладила ты со своим сыном-кровопийцей. Поможем чем можем.

После долгих споров приняли такое решение: дать старухе паек, а за это пусть она работает в школе ликбеза.

В тот вечер, когда было принято это решение, Генка и Петька сидели на крыльце сельсовета и слышали весь спор от начала до конца.

- Давай, Петька, сходим завтра в полковничий дом,- предложил Генка.- Интересно!

- Сходим,- без особого энтузиазма согласился Петька.

НАХОДКИ

Утро выдалось яркое, солнечное. Ветерок еле-еле шевелил листья тополя. В подвале полковничьего дома темно, сыро и жутко. Зато интересно. Приятели решили побывать там, куда раньше Петька один заглянуть боялся. Осмотрели все закоулки, каждую щель. Генка копался в кучах мусора, сдвигал неприбитые доски полов.

Наконец, облепленные паутиной, ребята выползли через отдушину в фундаменте на поляну сада. Щурясь от солнца, они принялись рассматривать находки.

Большая книга в толстом кожаном переплете, с бронзовыми угольниками и такой же застежкой, найденная в дальней кладовке, не обрадовала ребят. В ней не было даже картинок.

- И написано в ней не по-нашему, - разочарованно произнес Генка.

- И правда, - согласился Петька. - Видел я такую у попа. Больше этой. Тащит, а сам кряхтит. На той и крест прибит на корочке. А на этой нету.

Нашли ребята в книге белую шелковую перчатку. Кто-то, наверное, положил и забыл.

И все же не зря лазили ребята по подвалам полковничьего дома, не зря собрали на себя почти всю паутину. Они нашли офицерский кортик. Находка так находка!

- Полковничий! - заявил Петька. - Маленький, а ручка белая, костяная.

- Смотри, тут написано, - подтолкнул приятеля Генка и с трудом прочел написанные тонкой вязью слова: - "Полковнику Э. Т. Веберу в день сорокалетия".

- Хороший ножичек. Валялся в мусоре, а даже ржавчины нет. Как же его раньше не нашли?

- Где тут найдешь! - ответил Петька. - Когда-то из этих подвалов целые подводы добра вывезли. Красные еще тогда наступали. Шибко торопился полковник-то. Ночью таскали шкафы, сундуки. А кинжальчик, наверно, обронили.

- Петь, а завтра пойдем еще в чуланы? - спросил Генка. - Доски поднимем, может, еще что найдем. И на чердак слазим.

- Хорошо, - степенно согласился Петька.

ССОРА

Кортик надо было почистить. И грязь на рукоятку откуда-то налипла, и лезвие потускнело.

- Дай я, - попросил Генка. - Ты уже чистил, теперь дай мне. Но Петька пыхтел и отталкивал локтем Генку.

- Я нашел, а не ты, - не отставал Генка. - Ты и в чуланку заходить не хотел. Ишь какой до чужого добра ...

- До чужого? - зло прищурился Петька. - Ты-то откуда взялся? Понаехали в нашу станицу.

Однако Генка сумел схватить ножны. А без них кортик не кортик. Петька решил схитрить.

- Слушай, - сказал он, - хошь, я тебе дам солдатскую кокарду и картину в золоченой раме в придачу. Здесь же нашел.

Генка упрямо помотал головой.

- Знал бы, так не пошел бы с тобой, - сказал он. - Еще другом называется.

- Не ходил бы, - усмехнулся Петька. - Смотри, еще заругают.

- А тебя? Вот отец-то вытянет раза два по спине ремнем, будешь знать. Бери, жадина, только я с тобой водиться больше не буду. П-подумаешь! Я вот и без кинжала как дам ...

Они стояли друг перед другом нахохленные, как готовые к драке петухи. У одного в руках были ножны, а у другого кортик. И не заметили, как возле них очутился долговязый четырнадцатилетний подросток Бронька Вебер, внук старухи Вебер. Поняв, что друзья не поделили, он посоветовал:

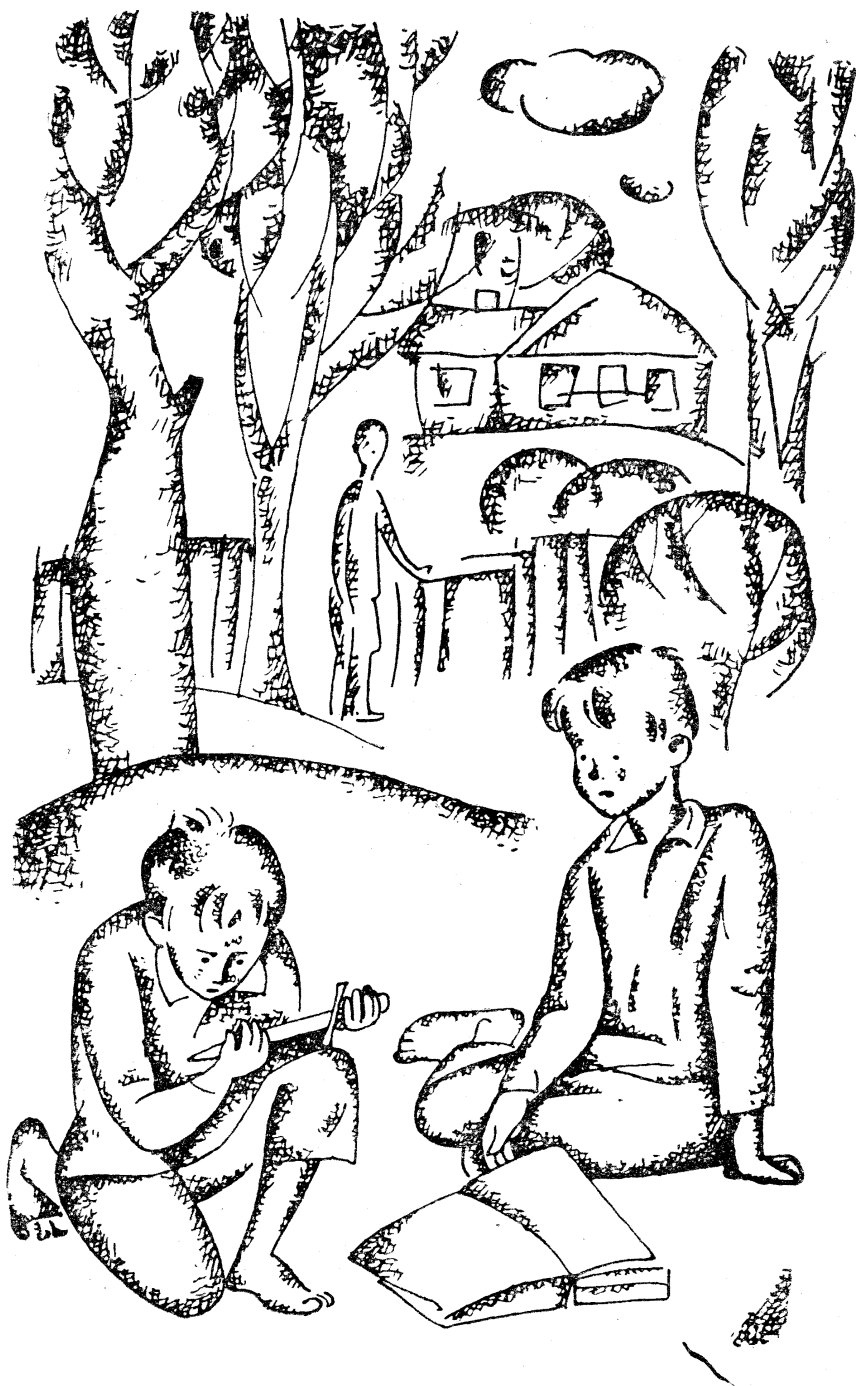
- А вы продайте ...

- Кого продайте? - не понял Петька.

- Кортик. А говорить нужно не "кого", а что. Откуда ты взялся? - хмуро глянул на него Генка.

- Продадите, деньги пополам - и никому не будет обидно.

Петька размышлял. Продавать интересу мало, но дома за находку может влететь. Как-то Петька выменял на бабки перочинный ножик, так отец отобрал. И бабки пропали, и нож тоже.

- Ты купишь? - спросил Петька.

- Зачем? Все равно бабушка выбросит, если узнает, что я интересуюсь оружием. Продайте Витьке Сутормину,- посоветовал Бронька.

У сына лавочника - Витьки Сутормина - водились деньги. Вчера приятели видели, как он покупал в ларьке у проезжих грузинов два фунта винограда. Расплачиваясь, вытащил трехрублевую бумажку. Богатство! Витька даже летом ходил в хромовых сапожках, носил темно-синий картуз с черным лаковым козырьком и рубашку с поясом. На зиму он уезжал учиться в соседний городок, так как в станичной школе было всего два класса.

Не любили Витьку станичные ребята. Не чист он был на руку.

- Сутормин близко - не оставляй на ночь жерлицу на озере. Утянет! - говорили о нем.

Продать кинжал ему? Но Петьке очень уж не хотелось иметь дело с Суторминым, и он попросил Вебера.

- Бронь, может, ты сходишь и продашь? Мы тут подождем.

Но тот отказался наотрез:

- Некогда. Голубей надо ловить.

Голубиный промысел - постоянное занятие Броньки: жили-то Веберы неважно. Бабушка с грехом пополам накладывала разноцветные заплатки на вельветовые Бронкины брюки и на одежонку его братишки и сестры. Но прокормить их не могла. Вот Бронька и ловил голубей, обитающих в полковничьем доме.

- Не хочешь- не надо,-обидчиво дернул плечом Петька.

Бронислав, почему-то волнуясь, вдруг попросил подарить ему книгу. Петька запротестовал первым:

- На вот-те, видал? Отдать книгу! А фигу не хочешь? - И Петька показал Веберу кукиш с черным ногтем.

Бронька не обиделся. Он принялся упрашивать, чтоб они отдали ему книгу: мол, хочу доставить удовольствие бабушке.

- Книга-то все равно наша. Вы и читать не умеете. Хотите, клетку подарю? Для птиц- чудесная!

Но Петька не соглашался:

- Мне клетка, а Генке что? Книгу мы пополам разорвать

можем, а клетку не поделишь. Давай в придачу еще что-нибудь. Переговоры закончились тем, что Бронислав согласился передать друзьям вторую перчатку, в пару к найденной, только не такую чистую, как лежавшая в книге.

Петька согласился, и Генка не стал возражать.

Бронислав принес ветхую клетку и грязную перчатку. Петька почесал было затылок, вздохнул: обманул их полковничий сын, да делать нечего - уговор дороже денег. Книга была передана Броньке. Ребята отправились на чердак Петькиной избушки прятать перчатки и клетку.

И зачем Броньке та старая книга да еще написанная не по-русски?

СЫН ПОЛКОВНИКА

Матери Бронислав не помнит. Она умерла после появления в семье третьего ребенка.

Зато отлично помнит он своего отца. Вечерами полковник, слегка утомленный, выходил из своего кабинета и опускался в мягкое низкое кресло у топившегося камина. Маленький Бронислав оставлял игрушки, садился отцу на колени и просил его рассказать занимательные истории.

Отец горячо любил своего первенца, многое ему позволял, прощал шалости, при каждом случае подчеркивал, что Броня - его наследник. Младшие брат и сестра большее время дня проводили у бабушки, отец будто не замечал их. Строгая, но справедливая бабушка привязалась к младшим внукам, полностью передав сыну заботы о Брониславе.

Никогда не забыть Брониславу серьезный разговор с отцом. Случилось это в один из февральских дней ... Время было тревожное. В доме полковника редко появлялись учителя, которых раньше привозили три раза в неделю за восемнадцать верст из города. И в тот день, казалось, ничто не могло нарушить порядка. Рано утром конюх запряг иноходца в легкие санки и до полудня успел привезти учителя. Но неожиданно в библиотеку зашел отец, прервал урок и отпустил учителя.

- Извините,- сказал он учителю,- но Бронислав мне нужен.
Санки поданы.

Отец провел сына в свой кабинет.

Броня мог бывать везде - в детской, бильярдной, в гостиной, но только не здесь. Поэтому мальчик был удивлен приглашением.

Усадив сына в кресло, отец сказал:

- Ты еще мал, Броня, но что делать! Обстоятельства вынуждают доверить тебе важное дело. Я не знаю, что может случиться завтра. В Петрограде произошла революция. Начинаются большие беспорядки. Может быть, скоро нам придется расстаться, и надолго. Ты останешься с бабушкой.

О многом рассказал в тот вечер полковник сыну. Лишь позднее понял мальчик причину тревоги отца. Потом он забудет все наставления, его отвлекут свои заботы, игры и забавы. Но, как в горячем тумане, память сохранит слова, сказанные в заключение полковником:

- Здесь будет храниться важный документ. В нем - твое будущее. Хорошенько запомни эту книгу. Чтоб ее не спутать с другой, я вложил сюда перчатку. А теперь идем и поставим книгу на библиотечную полку. Не любопытствуй раньше времени, но больше глаза береги эту вещь.

Он поставил книгу на полку и еще раз попросил сына хорошенько запомнить все.

- О нашем разговоре не говори даже бабушке. Это касается только нас двоих. Мы должны извлечь документ из книги, если даже такая возможность возникнет не раньше, чем через десять лет.

Год книга стояла на полке. Отец в станице появлялся редко. Но каждый раз, заезжая на денек домой, он беседовал с сыном с глазу на глаз в своем кабинете и убеждался, что Броня запомнил самое главное. И вот неожиданно отец исчез.

Жизнь полетела кувыркком. Приходили какие-то люди, помогали прислуге стаскивать в подвалы вещи. Затем появился усадный человек в барашковой кубанке, в хромовых сапогах. Он предъявил бабушке бумагу и получил разрешение часть книг из библиотеки перенести в чуланы и подвалы, а остальные глубокой ночью

вместе с другими вещами вывез из усадьбы на четырех пароконных подводах.

Когда на другой день утром Бронислав заглянул в библиотеку, он нашел там пустые полки. Книга с отцовской перчаткой исчезла. Мальчик проник в подвал, разыскал несколько похожих на ту, нужную книгу, но все напрасно. Ему стало обидно. Он до мельчайших подробностей вспомнил разговор с отцом. Найти книгу - стало его навязчивой. идеей.

Искал везде. А между тем в чуланах стало совсем пусто. Дорогие вещи растащили, а тряпки и безделушки бабушка променяла на хлеб и картошку. Лишь никому не нужные полковничьи погоны да грязную отцовскую перчатку удалось найти Брониславу в подвале.

И вдруг эта встреча ...

Бронислав готовил ловушку для голубей, когда услышал спор между Генкой и Петькой. Он очутился возле них, наблюдая за их ссорой. Отцовский кортик его интересовал, но было ясно, что без большого выкупа его не получишь. И вдруг Бронислав увидел эту книгу с перчаткой.

Та самая, которая не давала покоя последние годы, та книга с перчаткой, сшившаяся по ночам. Бронислав ничем не выдал своего волнения, и вот удача: книга, заветная книга была у него в руках!

В ЛАВКЕ СУТОРМИНА

Лавка Сутормина стояла на бойком месте, возле Уфимского тракта, на краю станицы. Чтобы попасть к Суторминым, нужно было миновать Погорелку. Когда-то здесь загорелась баня, а с нее пожар перекинулся на дома, и сгорело несколько улиц. Потом улицы отстроились снова, а название Погорелка осталось.

Когда еще не было железной дороги, казаки предпочитали селиться с краю, поближе к тракту, заводили постоянные дворы и лавки, несметно богатели. Жили на Погорелке крепко, зажиточно. Те, что победнее, селились в Крутоярке и Москве - подальше от тракта.

Со временем стерлись границы старой крепости. Лишь ребятишки да молодые парни делили себя на погорельских

и станичных. В праздники устраивали между собой драки. Дрались из-за чернооких казачек. Ребятишки готовы были учинить свалку по любому поводу.

- В Погорелке вечером лучше не показываться,-говорил Петька другу.- Страсть как ребят задирают. Мы завсегда сюда ватагой ходим. Они, казачата, под вечер табунятся ... А сейчас жарко. Все купаются да по лесу носятся. Было бы нас трое альбо четверо,- рассуждал Петька,- я бы в любое время прошел. А то, кто тебя знает, вдруг струсишь.

Пока не схлынула жара, улицы действительно были пустынными. Приятели до лавки добрались без происшествий.

Витька оказался дома. Отец уехал в город за товарами, а мать отправилась в соседнюю станицу поглазеть на новоявленную икону "Кундравинского бога".

Дальше порога Витька ребят не пустил.

- Ну чего надо? - спросил он.

- Мы по делу, ты не больно кричи,- сказал Петька.- Штуку нашли, посмотри.

Витька взял в руки кортик, внимательно оглядел его, заметил цифры, выбитые на рукоятке, такие мелкие, что трудно сразу заметить.

- Ерунда, - пренебрежительно заявил Витька. -Грош цена этому ножу.

- Сам ты - грош цена, - обиделся Петька.- Мы узнали у дашника - с позолотой кинжальчик.

- Ну и идите к своему "дашнику".

- Не хочешь - не надо. Дашник-то дает за кинжал три рубля, не продешевить бы. Хотели с тобой посоветоваться. Ты в лавке отираешься, цену знаешь. Не хочешь - не бери, но сколько стоит - скажи.

Петька выжидательно посматривал на Витьку. Тот принялся вновь разглядывать кортик.

- Ты не задерживай,- сказал Петька.- Ждет нас дашник-то. На Ершовой горке рыбачить должен.

Витька, подражая своему отцу, нахмурился и важно промолвил : - Покупать не буду. Если хочешь, возьму на комиссию. Продам в городе.

Но Петька знал Сутормина - тот просто морочил голову.

- Какая тут комиссия, - возразил он. - Ладно продам сам.
- Ты погоди. Давай в заклад. Сейчас дам рубль, а вернусь из города - остальные.

Петька не соглашался: отдашь, а потом будешь ходить за своими кровными к лавочнику.

Пробовал было Витька немного накинуть, но Петька решительно взялся за скобу двери и заявил, что сроду не любит торговаться.

И Витька выложил трешницу.

Петька даже растерялся. Заломил за кортик трешницу, а сам не верил, что хитрый Витька согласится на такую цену. Ну, два рубля даст - и то хорошо. А тут, пожалуйста, трешница в руках. Скорее ушли от Суторминых, чтоб, чего доброго, Витька не передумал.

- Купим две удочки, настоящие. Ага, Петька? Я видел в лавке лески шелковые, - тараторил Генка. -Какую хошь рыбу выдержит. А крючки здоровущие ...

О вчерашней ссоре не было и помину. Приятели шли по улице в обнимку, как закадычные друзья, мечтали. На три рубля хотели столько закупить разного добра, что и в воз не уложишь. Но вот и избаушка Суставовых. Возле нее распряженный буланый меринок уплетал из ходка сочную траву, лениво отгоняя хвостом надоедливых мух.

- Гляди-ка, дядя Егор приехал, - обрадовался Петька.- Как хорошо-то!

ДЯДЯ ИЗ ЗАПОВЕДНИКА

Петька любил, когда к ним приезжал дядя Егор.

- Ну, Генка, повезло нам,- хлопнул он приятеля по плечу.- Отпросимся в гости к дяде Егору. Ох и рыбы там! Поедешь? В прошлый раз он сам звал меня, да мамка не пустила одного.

Петька, схватив приятеля за руку, стрелой влетел в избу. В избе Генка застенчиво пробормотал "здравствуйте" и остановился у порога. Петька подбежал к дяде, надел на свои вихры фуражку с зеленоватым околышем и эмблемой лесной охраны. - Здорово, племяш! - улыбнулся дядя Егор.- Ишь как вымахал! Соскучился обо мне?

Он привлек к себе Петьку и натянул ему фуражку на самые глаза. Петька по нос утонул в ней. Генка глядел то на дядю Егора, то на Петьку и все больше и больше поражался. На лавке сидели два Петьки. Один свой, а другой - незнакомый, взрослый, бородатый, загоревший на солнце. У старшего такие же с хитринкой глаза, непослушные вихры на голове, выдающиеся скулы. И нос у дяди курносый, как у Петьки. Возле шестка хлопотала Петькина мать, которой соседи твердили о том, что "сыночек-то весь твоя копия". Дядя походил на Петьку, а Петька на мать. Здорово!

Тетя Дуся рассказывала брату о житье-бытье и в то же время чистила для ухи окуней, привезенных лесником.

- Беда, Егорушка,- говорила она.- В долгах запутались. Робит, робит Иван, а когда с хозяином разочтемся - неизвестно. По делу то давно пора, а все высчитывает. Сейчас бы по-хорошему-то бутылочку к ухе купить надо, а деньги где? Ведь знаю: любишь пригубить чарочку.

И тут Петька извлек из кармана трешницу и положил на стол.

- Вот, мамка, деньги. Возьми половину, остальные Генкины. Та нахмурилась:

- Это откуда же у тебя деньги?

- Нашли. Честное слово, нашли, - сказал Петька.- Вот и Генка подтвердит. Скажи, Гена, мамке, ведь мы нашли деньги?

Генка смутился, покачал головой, подтверждая, а сам проямлил:

- Нашли ... Удочки хотели купить.

Мать поверила. Пока ходила к кривой Мотьке, из под полы торговавшей водкой, приятели честно рассказали дяде Егору, откуда у них эта трешница, и попросили взять их с собой в заповедник.

- Так и быть, похлопочу,- пообещал тот.- Только смотрите ... В лесу чтобы мне без фокусов.

Наконец, возвратилась хозяйка и усадила всех за стол. Дядя Егор выпил, крикнул, вытер усы и стал есть уху, бережно поддерживая ложку кусочком ржаного хлеба.

Егор Васильевич расспрашивал сестру о станичных новостях и как бы между прочим ввернул:

- Отпусти-на, сестра, со мной Петьку. Пущай погостит. Нонче ведь в город отправлять его будете. Иль решили, что казаку двухклассной школы хватит? Власть-то теперь наша, советская. Учиться обязательно надо. А перед учебой и отдохнуть следует.

Дядя Егор погладил вихры племянника и, почему-то вздохнув, добавил:

- К тому же Аннушка уж больно повидать его хочет.

- Право, не знаю, Егорушка. Иван придет с поля, скажу ему, может, и отпустит. А об городе -и не говори. Учиться надо, а в чем, скажи, провожать-то его буду. Пальтишка ладного и то нет. Ребята притихли.

-Чего нахмурились? -Егор Васильевич взъерошил Петькины вихры. -Не горюй. Учиться будешь и в лесниковой избе погостишь. Уговорим Ивана. А приятель как? Отпустят тебя отец-то с матерью? -спросил он Генку.

- Отпустят,-чуть помедлив, неуверенно ответил за приятеля Петька.

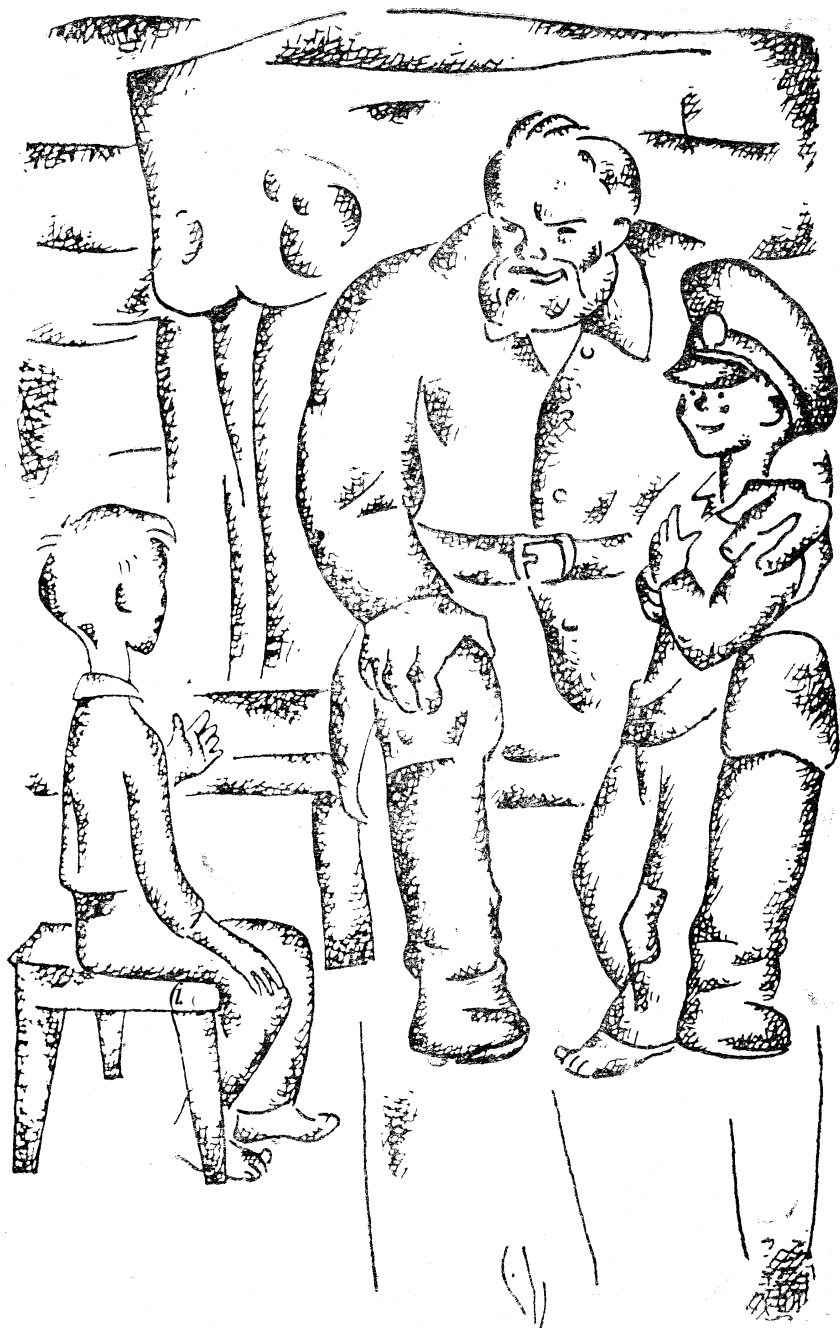
- Ну коль так, беги скорее, отпрашивайся! К вечеру поедем. Волошины согласились отпустить сына не сразу. Генкина мать сама пришла к Суставовым, поговорила с Егором Васильевичем. Только после этого дала согласие.

- Не бойся, соседка,- успокоил ее дядя Егор.-У меня сын большой, в горном техникуме учится. Он присмотрит за архаровцами. А в воскресенье сами приходите, попроведайте, да и ягод по пути наберете. Малины нонче много.

В ожидании Петькиного отца ребяташки сбегали в лавочку и на оставшиеся деньги купили лески, крючки.

С поля Иван возвратился вечером. Он согласился отпустить Петьку сразу.

-Пусть едет,-сказал он.-Нечего по деревне шалопайничать. Не к чужим посылаем. И бояться за них не надо. В станице озеро не мельче, да и в лес все равно одни бегают. Не маленькие уже. Вишь ты, уже в чужой город собираются. Одно слово-гимназисты.

В ЛЕСНОЙ СТОРОЖКЕ

До кордона добрались засветло. Повозка, громыхая колесами по малоезженной каменистой лесной дороге, еще не миновала последнего поворота, как навстречу выскочила большая собака. Она прыгала чуть не до морды лошади, обнюхивала ребячьи ноги и громким лаем выражала свою радость. Ее большие, как лопухи, уши, умные глаза и не знающий ни секунды покоя хвост привлекли внимание Генки.

- Она не кусачая? - спросил он Петьку.

- Пальма-то? Нет. Она смирёная. Вот ночью для чужих злая. К кордону никого не пустит.

Он почмокал губами, и Пальма запрыгала возле ходка, пытаясь лизнуть Петькины руки.

- Не выпадите! - предостерег дядя Егор.- Туба, Пальма! ..

Домик лесника стоял на берегу горного озера, окруженного со всех сторон сосновым бором. На озере было много островов, покрытых березами и липами. Солнце уже склонилось на запад, вот-вот скроется за Ильменами.

Возле кордона, на отвоеванном у леса клочке земли, буйно цвели подсолнухи. Черемуха и рябина окружили маленькую поляну. Озеро имело татарское название "Кисек агач" - руби дерево.

Ребята притихли и не сводили с него восхищенных глаз.

Вон из-за островка выплыла лодка. Это возвращался с рыбалки Михаил - сын лесника. Он увидел приехавших, приналег на "двухпарное" весло. Лодка быстро скользила по воде и вскоре, мягко шурша днищем по песку, причалила к деревянным мосткам.

Михаил - рослый, широкоплечий парень, тесемочки футбольной майки, казалось, вот-вот лопнут на его груди. Остановив лодку, он подошел к отцу и стал помогать распрягать лошадей.

- Где это ты, тятя, галчат насобирал? И плавать-то еще, поди, не умеют? - Он нажал Петькин нос. - Черные, курносые ...

- Как это не умеем? Мы и саженками можем ... А это Генка,- подтолкнув плечом друга, представил Петька.

Тетушка Анна, увидев гостей, всплеснула руками, подхватила растерявшегося Петьку и принялась его целовать.

- Ой, гляньте-ка, Петенька приехал!

- Что ты, тетя? Маленький я, что ли?- смутился Петька.

Генке понравились и добрые хозяева, и озеро с прозрачной водой, и прибрежные камни, и даже Пальма, вначале пугавшая его своим огромным ростом.

На берегу из кирпичей была сложена печка, а возле нее на одной ножке, вбитой в землю, торчал стол, окруженный грубо сколоченными скамейками. Тетя Аня сварила уху, и друзья уплетали ее с большим аппетитом. Сроду не ели такой! Михаил обещал завтра свозить ребят к Истоку и там заночевать.

Спать ребята легли на сеновале. Долго ворочались, шушукались. Генка впервые ночевал не дома, да еще в лесу, в заповедном крае. Все было ему вновь и все радовало. Уснули незаметно, под ласковый шелест листвы и таинственные вздохи большого озера.

НА РЫБАЛКЕ

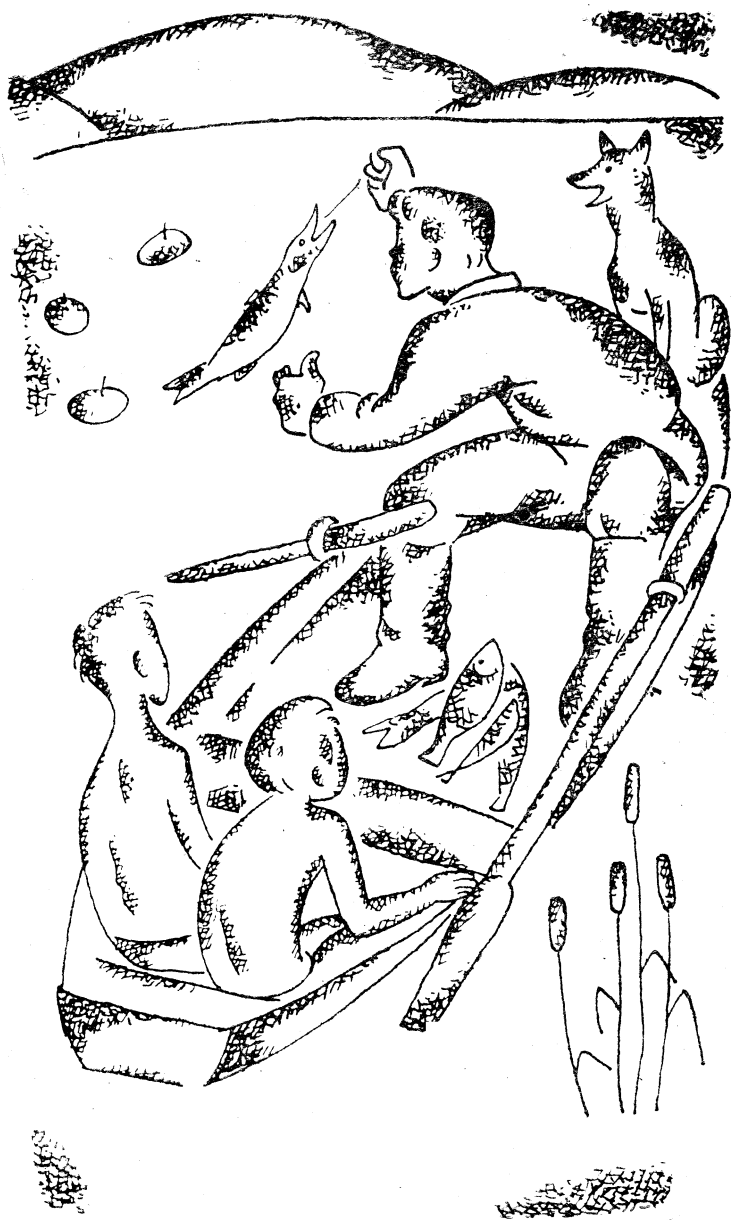
Утром Генка проснулся, казалось, раньше всех. И удивился: Пальма, вытянув передние лапы, чутко спала у его ног. Во дворе тетя Аня уже гремела ведрами, в конюшне похрустывал свежей травой Буланка, сквозь узкую щель в потолке сарая пробивался веселый солнечный луч. Генка боялся пошевелиться.

Кто знает, как отнесется к этому Пальма? Но умная собака слабо вильнула хвостом и сладко зажмурилась. Однако, видно, радовалась, что Генка проснулся. Даже взвизгнула, приветствуя его. Тогда открыл глаза и Петька.

Попили горячего чаю, съели по ломтю рыбного пирога.

- А ну, собирай удочки! - скомандовал Михаил.- И айда!

В лодку запрыгнула и Пальма, уселась на широкой кормовой скамейке сбоку. Егор Васильевич, усмехнувшись, сказал сыну:

- Придется, видать, и собаку брать. К обеду завтра возвращайтесь. Нужен будешь.

Груженная лодка плыла вдоль берега. Михаил перебирал веслами плавно и не спеша. Он достал из мешка дорожку и приказал Петьке осторожно ее распустить. Петька знал, как обращаются с этой снастью, но самому ею пользоваться не приходилось. Обрадовался. Быстро распустил шнур, ждал - вот сейчас схватит щука. А та не хватала, и Петька передал шнур Генке, а сам принялся рассматривать вчерашние покупки: тут были и крючки, и неизвестно зачем купленная катушка с намотанным на нее тонким шнуром, и шелковые лески, способные выдержать не только рыбу, но и самих рыболовов.

Шнур у Генки здорово дернулся, он едва удержался на скамейке.

- Зацепило! - заорал он.

Михаил перехватил у него шнур, начал выбирать его из воды, распорядившись :

- Петька, держи кормовым. Тормози!

Лодка остановилась, Михаил подвел к борту лодки щуку. Ребятам она показалась огромной. Подхватив рыбу сачком, Михаил вначале перегнул на колене голову рыбы - "сломал лен", а затем бросил ее к ногам Генки.

- Фунта три щуренок потянет,- сказал он. Теперь завладел дорожкой Петька. Он беспрестанно дергал за шнур, пробовал тянуть, подсекать - щуки не было. Не везло ему и только!

Лодка пробиралась между двух скалистых островов.

Каменные громады утесами возвышались над водой. Глыбы, словно сложенные друг на друга рукой исполина, образовали скалу. В тени берегов вода казалась теплой и потому бездонной. За гранитные стены цеплялись березы. Их корни обвивали огромные камни, спускались по трещинам вниз, к воде.

Обогнув один из островов, Михаил причалил к песчаному берегу, заросшему камышом.

Полдень ... Все замерло. Не шелохнувшись, стояли в зное кудрявые березы и смолистые сосны. Пахло хвоей и лесными цветами. Ветви ивы и красной смородины купали листья в прохладной воде. Петька и Генка сразу же

полезли купаться, а Михаил решил набрать смородины к чаю. Уходя, посоветовал:

- Возьми, Петро, мою удочку да поймай несколько чебачков. Становись возле камышей. Понял?

Петька нашел удочки и, готовя их к лову, пояснил Генке:

- На кружки ловить будем.

Петька сел на корму, а Генка - на среднюю скамейку. Оттолкнув лодку от берега, рыболовы ухватились руками за крайние камыши.

Клев начался с первого же заброса. Попадались маленькие зеленые окуньки. Они для живца не годились. Тогда Петька взял длинное удище Михаила с тонкой в три волоска леской и маленьким крючком. Закинул и сразу вытащил первого чебака, блеснувшего своей перламутровой чешуйкой на солнце.

- Стая, ясно?- прошептал Петька.- Не возись!-Вскоре в ведерке плескалось больше десятка чебачков.

Неожиданно клюнуло у Генки. Вытащив первого окуня, он обрадовался. Потом поймал еще трех окуней. Но вот у Петьки клюнуло что-то большое - даже удище согнулось в дугу. Дернул изо всей силы и ... оборвал леску у самого поплавка.

В это время раздался с берега крик:

- Эгей-й! Рыболовы, давай к берегу!

Друзья переглянулись, и Петька, ни слова не говоря, взялся за весло. Эх, как это угораздило его сорвать леску.

Михаил подтянул лодку к берегу, привязал к длинной веревке камень - получился якорь.

- Ночевать будем у реки,- сообщил он ребятам.-А теперь трогаем на заветное место. Уже четыре часа.

Выплыли на озерное плесо. Михаил, положив весла, достал из мешка деревянные кружки, напоминающие юлу. Насадив чебаков на длинные поводки, пустил кружки один за другим на воду.

- Теперь смотри в оба, - предупредил он. - И ты, Пальма, карауль.

Собака лениво шевельнула хвостом и продолжала дремать на носу лодки. Вот один из кружков резко перевернулся и стал быстро вращаться, затем поплыл, рассекая воду на две струи. Собака, встав на передние лапы, слабо тявкнула.

Михаил, догоняя кружок говорил приятелям:

- Такой собаки нигде не найдешь! Молодец,

- Пальма!

Он ухитрился, схватил кружок и "засек" рыбу. На крючке болталась щука. Не успели рыболовы справиться с первой добычей, как перевернулся второй кружок,

К концу дня рыбаки собрали кружки и встали на якорь. Михаил достал из мешка три коротенькие "зимние" удочки.

Первый же окунь, добытый с большой глубины, спутал у ребят лески. Они молча пыхтели, распутывая их. Рыбачил только Михаил.

- Не горюйте,- успокоил он ребят.- Завтра будем ловить в плавнике, всего на метр глубины. Там натешитесь.

Наступил вечер. Рыболовы выехали на берег, набрали дров, вычистили рыбу и принялись варить уху. Сумерки окутали отроги Ильменских гор. Зажглась первая звезда, а потом их замигало на темном небе бесчисленное количество.

Наевшись ухи, приятели притихли. Стало совсем темно, деревья будто надвинулись на костер - страшные, грозные. Костер то медленно гас, то вновь оживал, охватывая ярким пламенем подкинутые в огонь сухие ветки. Генка жался к Петьке. Михаил, насвистывая, сделал лежанку и пригласил ребят спать. Стало совсем тихо. Ребята уснули.

РАННИЙ ГОСТЬ

Первые лучи солнца, пробиваясь сквозь могучие ветви, упали на зеркальную озерную гладь.

Тихо.

Легкий утренний туман окутывает камыши. Еще не успел спрятаться в горах серп луны, а солнце поднимается все выше и выше. Протрубил утреннюю песню дикий козел. На прибрежных гальках запрыгали трясогузки, в камышах послышался всплеск щуки.

Проснулся Михаил. Заботливо накрыл ребячьи ноги шубейкой, подкинул в чуть теплившийся костер мелких, сухих веток, взял полотенце и направился к берегу.

Пальма, до сих пор мирно лежавшая у костра, вдруг вскочила и зарычала, уставившись на ближние кусты. Михаил оглянулся. С крутой, каменистой горы спускался человек.

- Тихо, Пальма!

Собака успокоилась, но неодобрительно поглядывала на приближавшегося человека.

Теперь Михаил узнал раннего гостя - это был Иван Зыков. Он был щупловатым и низкорослым, но, видать, сильным - руки мускулистые, рабочие. Поздоровались.

- Здоров, бродяга,- улыбнулся Михаил.- Откуда ты вдруг?

Они уселись на поваленную ветром сосну.

Иван Зыков был старше Михаила. Когда-то они вместе росли, бегали на озеро, купаться, в лес по грибы и по ягоды. Но лет шесть назад судьба разбросала друзей в разные стороны.

- Голоден? Уху вчерашнюю подогрею! - спохватился Михаил.

- Не откажусь.

Пока разогревалась уха, между друзьями начался не торопливый разговор.

- Помнишь, мечтали мы рудознатцами стать, -улыбнулся Иван.- Видно, не судьба.- Помолчав, продолжал: - Удрал я тогда из станицы, сам себе хозяин - сирота. Пристал к одному отряду. Воевать не пришлось. Был коновозчиком. Потом приняли в комсомол, состоял в отряде ЧОНа, за бандитами гонялся, сейчас в ЧК. Учиться хотел - да не время.

- А мать у меня все горевала: куда это Ванька пропал. Ты даже весточки не дал.

- Виноват,- развед руками Иван.- Замотался. Я ведь и сейчас воюю. Дорога, видишь, в заповедник привела. Теперь обязательно к вам загляну. На старом месте живете?

- Нет. Из станицы перебрались в Долгую курью, на кордон. Отец лесником стал. Я учусь в горном. Тоже в комсомол вступил.

- Завидую. А мне, видать, не один год придется за бандитами гоняться.

Только теперь Михаил обратил внимание, что лицо

у Зыкова осунувшееся, усталое - наверное, провел бессонную ночь.

Иван торопливо поел ухи, потом сел на камень. Задумался.

- Чего задумался?

- Дела, понимаешь,- пояснил Иван.- Подслушал я сегодня интересный разговор, а понять, что к чему, не могу. А дело, видать, назревает интересное.

- Секрет?

- Тебе могу рассказать. Но, смотри, язык держи за зубами.

РАЗГОВОР НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Эту неделю я провел на старательском прииске, в Непряхино. Недавно председатель местной партийной ячейки сообщил в окружном комитете, что к сторожу динамитного склада Филиппу Червонному стали наведываться подозрительные личности. Вызывает меня начальник и говорит: "Езжай". И предупредил: "Помни, никаких поспешных поступков. Твое дело выяснить, кто и зачем повадился к сторожу. Учти, что Филипп Червонный не здешний. Послан на охрану склада как бывший красногвардеец из шахтерского отряда. Вернее, после демобилизации сам попросился па этот прииск. Со здоровьем не совсем ладно, а на копыях - пыль, уголь. Проверкой установлено, что семьи не имеет, из части выбыл по болезни. Важно выяснить, что за "гости" его навещают. Прииск только пустили. Восстанавливается четвертая, самая богатая шахта.

... В первые дни выяснить ничего не удалось. Филипп Червонный в деревне Непряхино не появлялся. Ночью аккуратно выходил на дежурство к складу. Когда приходили взрывники, он шел спать в сторожку. Под вечер появлялся на берегу Сунукуля, проверял в протоке морды и сети. Рыбу обменивал на молоко и хлеб.

Однажды, когда сторож уехал на озеро, я побывал на динамитном складе. Прихватил с собой старого коммуниста-артельщика и предъявил кладовщику удостоверение на имя: ревизора конторы "Миассзолото". Поворачиваясь

на кладовщика за беспорядки на складе, заглянул в сторожку. Она была маленькой. Кроме топчана, табуретки и очага ничего не было.

Иван замолчал, задумавшись. Потом продолжал:

- Понимаешь, Миша, какая штука. Увидел я там несколько толстых книг без обложек. Такой книгой была закрыта крынка с молоком, остальные в углу сложены. Осмотрел их, а они не русские. Бумага лощеная, старинная. Вряд ли в Непряхино такие книги имелись. Зачем они сторожу? Так и ушел ни с чем. Но наблюдение за сторожкой продолжал. Сегодня ночью и наведались к сторожу гости.

... На пост Филипп Червонный заступил вовремя. дождался, когда кладовщик принял от напальщиков неизрасходованную взрывчатку, помог опечатать склад, ворота и уселся на скамейке, с безучастным видом посматривая на дорогу.

Наступали вечерние сумерки. Высокие рубленые стены динамитного склада сливались с темной стеной бора. Я лежал метрах в ста от скамейки, наблюдал за Червонным. Чем-то вчера не понравился мне сторож, вот я и решил присмотреться к нему. Сидит он на скамейке, ногу на ногу закинул - словно отдыхает или ждет кого.

Иван замолчал. Михаил нетерпеливо подогнал его:

- А дальше?

- А дальше совсем темно стало. Нельзя было рассмотреть, что делает сторож - совсем его не видно стало. Лишь огонек сигарки ярким угольком горит в темноте.

Лежал я и видел, как Филипп Червонный выкурил одну, потом другую самокрутку. Думаю, чего это он так нервничает. А главное, сторожит склад с динамитом и курит.

... Вдруг хрустнула ветка. Кто-то со стороны леса пробирался к динамитному складу. "Ну, думаю, наконец-то гость топают. Тут уж не зевай".

Сторож тоже услышал шаги. Огонек папиросы приподнялся над скамейкой и медленно поплыл по воздуху навстречу неизвестному гостю.

- Степан, ты? - спросил Филипп Червонный.

- Я, - ответил неизвестный и сел на скамейку рядом со сторожем.

- Ну как, принес?

- Принес. Еще три книги удалось добыть. Взял с полки.

Сегодня старуха с внучатами картошку роет. Первые в станице начали копать. Взял книги так, что никто не видел.

- Давай сюда,- перебил его Филипп.- Переплеты целы?

- Целы. Куда им деваться?

Степан заговорил шепотом, и я не разобрал, о чем они шепчутся. Напрягаясь, я услышал:

- Слушай, Артур, а не зря ты затеял эту историю? Может, ерунда какая, а нам и так хватит. Махнем отсюда подале. В Челябине справим барахлишко и кум королю.

Какого это, думаю, еще Артура?

А Червонный отвечает:

- Молчи, дурак! По сравнению с нашим добром в книге клад!

- Пусть я дурак, да и ты не умнее,- обиделся Степан.-

Слушай-ка, Артур, в Златоусте на днях я был. Завод там новый строить собираются. Рабочих видимо-невидимо понаехало.

Прямо на вокзале вербовщик ходит. Уговорит кого - и сразу к столику. Запись сделает, документ заберет и деньги наперед дает. Решил я обменять свою справку на десятку. Я ведь Маскайский, и есть у меня документ, теперь ненужный. Думаю: что зря тереть его в кармане, наймусь, деньги заберу, а потом пусть они хоть целуют мою справку. Впереди меня парень здоровый стоял. Кулачищи - во! Видать, впрямь работать захотел. Кто такой? - спрашивает его вербовщик.- Шахтер,- говорит,- бывший красногвардеец Филипп Червонный ...

- Врешь?! - испуганно прохрипел сторож.

- Как услышал я - и деру, - продолжал Степан. - Дрожь по коже пошла. Видать, крестник твой в больнице отвалился.

- Незадача! - расстроился сторож. - Плохо дело. Давай-ка мотай домой, да послезавтра ночью с лошадью будь у Мохового ...

И решил я выяснить, кто такой Степан. Стал следить за ним. Он направился в село, на выезде с прииска заглянул в крайний дом и через четверть часа выехал со двора на подводе.

Закрывая за ним ворота, кто-то глухим голосом проговорил: "Слышь, Репников, другоредь будешь, захвати-ка у Сутормина моток ниток. Ряжевку надо обладать ... "

- Ладно, жди ... - ответил Степан, и стук колес ходка заглушил его последние слова.

Вот задачка! Значит, сторож динамитного склада не Филипп Червонный, а Артур. Да и книги неспроста в сторожку носит этот Степан. Он кто? У какой-то старухи он ворует книги ... Для чего? И, наконец, кто наказывал Степану Репникову взять в лавке Сутормина нитки?

Нужно найти ответ на эти вопросы. В моем распоряжении всего двое суток. Нужен совет и помощь товарищей. А связаться со Златоустом можно только из Миасса. Вот и решил я побыстрее добраться до города, не привлекая ничьего внимания. Решил махнуть напрямик, да вот невзначай встретил тебя, чему я очень рад. Давай лодку,- закончил свой рассказ Иван.-Сэкономлю часа полтора. Отдохнул, закусил. Ты мне и помочь можешь ...

Зыков, рассказывая о своих приключениях, не заметил, что Петька уже не спит и жадно ловит каждое его слово. Вот он вскочил и бросился к сыну лесника:

- Миш, а Миш! Я знаю дядьку Степана. Он нас из подвалов гонял. Мы придем, а он всегда там. Да нас крапивой.

- погоди, брат,- улыбнулся Миша. - Какие подвалы?- Петька торопливо начал рассказывать о том, что дважды встречал в подвалах полковничьего дома бывшего конюха Степана Репникова.

- Первый раз Степан не ругался, а второй как закричит: "Вы што тут паскудничаєте, весь сад погубили, паршивцы!"

- А чего вы в подвалах делали? - спросил Иван.

- Ох и добра там разного, дополна! На днях с Генкой книгу с перчаткой нашли да кинжальчик.- Петька спохватился и поправился:

- Так себе кинжальчик, ржавленный весь. Его даже Бронька не взял. А за книгу нам клетку дал.

- А книга какая? Новая, с картинками? - внимательно взглянул па Петьку Зыков.

- Какие там картинки! - махнул тот рукой.- Так себе, не по-нашему даже написано. Была в книге перчатка. Белая-белая такая и тоненькая ... Зимой не согреешься, а хуже замерзнешь.

- А кто такой Бронька?

- Бронька-то? А сын полковника. Выманил, шишига, книгу ни за что. - Петька передразнил Броньку: - "Бабушке читать неча", а у самих на полке три штуки стояли. Давно видел, когда еще нога болела. Мы с мамкойк старухе за иодойходили. Такие толстые книги, в матерчатых корочках.

Зыков задумался. Потом что-то решил, видно, важное и обратился к братьям:

- Вот что, друзья. Все это важно. И чтоб ни одна душа не знала. Поняли? Не проболтаешься? - обратился он к Петьке.

- Я-то? - возмутился мальчик. - Могила! А Генке можно?

- Пока не стоит. Договорились?

-Ладно уж, не скажу,- пообещал Петька.

СОРВАЛАСЬ РАБАЛКА

Не удалось ребятам половить в плавнике больших окуней. Иван Зыков и Михаил ушли за хворостом для костра, но вернулись почему-то скоро.

- Буди Генку,- сказал Михаил брату. -Сейчас вы поедете, а я здесь останусь с Пальмой.

Петька догадался, что Иван с Михаилом уходили нарочно, чтобы договориться о чем-то без свидетелей. Петька растолкал Генку.

- Собирайся. К дяде Егору поедем. Сорвались окуни.- Петька почесал затылок.

- Почему, зачем? - сонно бормотал Генка. Петька хотел было все выложить Генке, но, встретив внимательный взгляд Зыкова, прикусил язык.

- А что, в обход пойдем, в лес? - не унимался Генка.

- Ну, вставай же, соня!- крикнул Петька.

Генка послушно поднялся.

Даже не позавтракав, ребята и Иван Зыков собрали пожитки и отплыли от берега. Михаил на прощанье

помахал рукой, свистнул Пальме и зашагал по тропе в гору.

Зыков сильно греб. Генка спросонок клевал носом, а Петьке не сиделось. Ему так хотелось поговорить. Он с силой сжимал губы, чтобы ненароком не проговориться.

Утро только началось, когда ребята с Иваном возвратились в Долгую курью. Их встретил Егор Васильевич. Иван не стал отвечать на его вопросы, а молча пожав ему руку, увел в дом.

Через несколько минут Буланко был уже под седлом. Зыков кивнул мальчикам и сказал Егору Васильевичу: - Возьмите в обход ребят, помощники будут отличные! - и ускакал.

Егор Васильевич озабоченно погладил небритую щеку и, вздохнув, только и проговорил:

- М-мда, дела-а!

Петька все еще боролся с собой. Ему и хотелось рассказать обо всем Генке, и в то же время он понимал, что нельзя нарушать слова, которое он дал Зыкову.

- Что ты надулся, как индюк? - удивился Генка.

- В обход идем, чуешь ...

Он был рад, что его тоже берут на какое-то интересное дело.

В самом дальнем краю Долгой курьи озеро мелкое. Егор Васильевич захотел доставить друзьям удовольствие.

- Не горюйте, что сорвалась у вас утром рыбалка,- сказал он.- Здесь плавни тоже добрые. Посидим до обеда. Окуньков половим. А завтра тронемся.

Ребята поплыли с лесником в дальний край курьи. У Петьки снова начал "чесаться язык". Так и подмывало рассказать Генке все. Но он изо всех сил терпел. С трудом протолкав через камыши лодку, Егор Васильевич добрался до воды, опустил леску и почти сразу же вытащил окуня.

Рыбалка началась.

ЗАГАДОЧНЫЙ ДОКУМЕНТ

А в это время Бронислав Вебер пытался раскрыть тайну спрятанных в книге документов. Как он и предполагал

бумаги оказались искусно вклеенными в массивную обложку.

Было там два листа. Один на гербовой бумаге - из французского банка, свидетельствующий о том, что ценности на сумму около двухсот тысяч рублей золотом приняты на хранение и владелец в любое время имеет право их востребовать. Мало радости доставил Брониславу этот документ. Не бывать ему в Париже, не видать отцовского золота, спрятанного в чужом банке. Зато второй лист обрадовал. На нем были набросаны самодельная карта и какая-то схема. Разобрался Бронислав: нужно найти в шахте 13 горизонт, а там есть так называемый третий восходящий. Тут-то и зарыта тайна. Шахту он знал: она была возле Карасинской дороги, на Непряхинском прииске. Бывал он там с отцом. Не мог разгадать лишь одно - что означают кружочки на схеме. "Почему рядом с ними изображен череп с перекрещивающимися костями?" - размышлял Бронислав. Копался в книгах и вдруг наткнулся. Оказывается, череп - символ на пиратском флаге. Где череп - там и тайна, там и клады. "Наверно, где нарисован череп, спрятано дорогое оружие, а в другом месте, обозначенном крестиком,- клад ..." - решил Вебер.

Загорелся Бронислав - нашел! Это его тайна, это его клады! Хотел было поделиться открытием с Витькой Суторминым, но сразу же раздумал: "Зачем я буду делиться с ним? - резонно решил он. - Больших трудностей, чтобы добыть клад, не ожидается. Справлюсь и сам ... "

На другой же день Бронислав начал поиски. С восходом солнца он покинул станицу. Почти никто его не заметил. Лишь пастух, ожидающий, когда полусонные казачки подгонят коров, обратил внимание на раннего путника и сказал подпаску :

- Глянь-ка, Федюнька, еще черти на кулачках не бились, а полковничий сын рыбалить направился. Видать, на Баляш торопится. Голод-то не тетка. Там, сказывают, дивно рыбешки налавливается. ... До самого прииска Бронислав никого не встретил. Не видел, как на Мисяшскую дорогу свернула с непряхинского пролеска одинокая подвода. Не знал он, что это возвращался кружным путем в станицу Степан

Репников после ночного свидания со сторожем динамитного склада.

Не заметил Бронислава и Степан, дремавший на застланной душистым сеном плетеной долгуше.

НА СТАРАТЕЛЬСКОМ ПРИИСКЕ

Четвертую шахту уже восстанавливали. Старательская артель меняла полусгнившие дестницы шахтных колодцев, проверяла крепежный лес в забоях, ремонтировала трос и подъемный механизм с бадьей, в которой с помощью конного привода поднимали руду на поверхность.

Рабочей силы не хватало. Поэтому брали женщин и подростков. Инженер, приехавший из Миасса, вызывал в контору даже бывшего штейгера Никифора Симонова, предлагая ему работу. Но штейгер сказал:

- Я бы с радостью помог вам, но отходили ноженьки. Стар стал. Живу со старухой, рыбешкой пробиваюсь и сети вот скоро откажусь ставить. Куда уж в шахту!

Обходилась артель без штейгера.

... На высоком крыльце приисковой конторы Бронислав встретил двух парней. Развернув узелки, они с аппетитом уплетали черный хлеб и хрустели свежими огурцами. Бронислав сел на нижнюю ступеньку и, следуя примеру парней, вынул из сумочки пару картофелин.

Разговор завязался быстро.

- Наниматься пришел? - спросил Бронислава коренастый, с русым чубом парень.

- Угу,-ответил Вебер.- А берут?

- Кто его знает'? Болтают, будто четвертую восстанавливают. Мы из Маскайки. Голодно у нас, а кормиться-то надо.

"Пойду с этими парнями, - размышлял Бронислав.- Попробую попасть на шахту с ними. Скажу, что я из Кочкаря".

Поев, маскайские парни направились в контору. Они остановились у окошечка, над которым висела табличка "Прием". В окошечке виднелась седая голова старика.

- Маскайские? - спросил старик.- Давайте документы.

Бережно развернув узелки, парни достали справки, отдали их, а взамен получили номерки и кипу талончиков: "Обед", "Ужин", "Завтрак".

- На работу выходите сегодня же. Найдите на четвертой инженера Лопатина Леонида Ивановича. Он и ночлегом распорядится,- наставлял парней старичок. Когда те ушли, он взглянул на Бронислава.

- Ну-с, молодой человек?

Бронислав робко шагнул к окошечку и пролепетал:

- А я тоже ... на работу. Я из Кочкаря.

- Из Кочкаря? -удивленно поднял старик седые брови.-Так ведь там шахта работает.

- А я сюда,-не растерялся Вебер.-У меня в станице дядя живет. Иван Суставов.

Бронислав назвал первую пришедшую в голову фамилию, и выбор его оказался удачным.

- Как же, как же, знаю,- заулыбался старичок. -Красный казак. А ты? Документы-то есть?

- Нету ... Но я обещаю ...

Пообещать Веберу ничего не пришлось. Старичок нахмурил брови и замотал головой:

- Нет, брат. Без них нельзя. Выдай тебе талоны, а ты ... будь здоров. Не приму, хоть и хорошо знаю Ивана.

Бронислав, сам того не ожидая, заплакал. Рушились все мечты о кладе, о богатой жизни. Шахту восстанавливают, тайник обнаружат без него -и все.

Бронислав размазывал на щеках слезы. Старичок пожалел Вебера.

- Да лет-то тебе сколько? -спросил он.

- Пятнадцать, -сквозь слезы проговорил Бронислав.

- Мало,-вздыхнул старичок.-Пожалуй, и документы не помогут.

Молод!

- А как же я теперь? У меня и хлеба нет,-хныкал Бронислав.

- Вот незадача! Ну, подожди, я сейчас. -Старичок захлопнул окошечко и ушел к управляющему. Скоро управляющий, молодой еще, высокий, широкоплечий, спросил:

- Зачем сюда шел?

- Отца задавило в шахте. Мать умерла в голодный

год,- на ходу объяснял Бронислав. А дядя Ваня сам батрак.

- Однако чисто говоришь. Учился?

- Ага,- обрадовался Бронислав,- учился. В школе жил.

Учителю дрова колол, полы мыл.

- Может, табельщиком, а, Петрович? - повернулся управляющий к старичку. - А в станице будешь -побывай у Суставова. Помоги хлопчику документ раздобыть. Талоны выдай на декаду.

Мало еще было рабочих на прииске, а грамотных не хватало вообще.

Так и заделался Бронислав табельщиком на четвертой шахте, на той самой шахте.

Старик спросил его имя, чтобы записать в книгу. Бронислав бодро ответил :

- Борис Воронин.

КЛАД БЛИЗКО

Бронислав схватил талоны и хотел уже бежать на шахту, но Петрович добродушно улыбнулся:

- Ишь какой ты прыткий. Зайди к геологам. Возьми табели, а потом уже Леонида Ивановича разыщешь. Он тебе объяснит, что к чему. И в столовую забеги, голодный ведь.

Вебер заглянул к геологам, получил все, что требовалось. Потом направился в столовую. На душе все ликовало завтра он будет возле клада, заберет его - и поминай как звали!

Маскайские парни сидели еще в столовой. Они, как старого знакомого, усадили Бронислава рядом с собой. На столе появилась пшенная каша и жиденский компот.

Вебер жадно накинулся на еду.

- Ну и ешь ты! Как вроде бы неделю голодал,- удивился чубатый парень.

После обеда вместе разыскивали Леонида Ивановича. Конторка четвертой шахты приютилась в зеленой роще. Пожелтевшие листья осины зябко дрожали, хотя и ветерка-то не было.

Леонида Ивановича нашли в каптерке. Он оживленно разговаривал с рабочим, одетым в брезентовые куртку

и штаны, с рудничной лампой у пояса. Увидев парней, Леонид Иванович улыбнулся :

- Вот и пополнение.- И приказал рабочему: -Забирай в шахту.

- Мы двое,- возразил чубатый паренек. - А этот в начальство - табельщиком. - Парень кивнул на Бронислава.

- И то хорошо,-согласился Леонид Иванович. -Дуйте вдвоем к артельщику. А мы тут с начальством разберемся.

Когда артельщик и парни ушли, инженер занялся Брониславом. Он вручил ему книгу выходов на работу передал ключ от доски с номерками и показал, как вести табель. Бронислав обрадовался все идет хорошо. Инженер показал на стол - тут будет рабочее место табельщика. Сам сел за другой - большой, заваленный бумагами. Вот он из железной цилиндрической коробки вынул сверток, развернул его - это был геологический разрез шахты. Инженер и не заметил, когда Бронислав очутился возле него. Услышав пыхтение, оглянулся и спросил:

- Ты чего?

- Это шахта, да?

- Да.

- И там работают? Вот бы побывать ...

- Это можно,- сразу согласился Леонид Иванович.- Ты табельщик и должен знать, где трудятся шахтеры.

Инженер задумался, его волновали какие-то мысли, и он вслух начал рассуждать:

- Удивительно и непонятно. Все крепи выстояли, а на тридцатом горизонте, где, по данным шахтерского журнала, ставили лучший лес, где самое мощное ответвление золотоносной жилы,- произошел обвал.

- Обвал? - переспросил Бронислав.

- Вот именно,- задумчиво проговорил инженер.-А причины обвала мы не знаем. Вредители? Тогда дело поправимое, можно смело вести восстановительные работы. Может, иначе? Может, недостаточно разведен свод, может, он песчаный, тогда восстановление затянется. Понимаешь- свод, потолок? Если там песок, крепить будет невозможно. В общем ты, конечно, ничего

не понимаешь. Но это не беда, у тебя все впереди. Будешь шахтером, поймешь многое. Будешь?

- Буду,- прошептал Бронислав, а сам подумал: "Держи карман шире, мне бы только до клада добраться".

ДЕНЬ, ПОЛНЫЙ СОБЫТИЙ

Бронислав все-таки упросил инженера сводить его в шахту. Леонид Иванович согласился, водил парня по штольням, объясняя, что к чему. А Бронислав торопился про себя: "Скорее бы тридцатый, скорее бы". Но вот пришли и на тридцатый. Здесь всю велись восстановительные работы - свод оказался крепким.

- Нельзя дальше,- сказал Леонид Иванович. - Там еще опасно. На другой день Леонид Иванович Лопатин на шахте появился рано. Наметил план работы, распределил людей по бригадам, сообщил в контору, когда понадобятся взрывники. Табельщик на работу не явился. Старатели потеряли целый час, пока артельщик ходил в контору за вторым ключом от шкафа, в который вешают номерки. Запасного ключа не оказалось. Петрович утром рано уехал в станицу и забрал ключ с собой. Сломали замок. И тут обнаружили, что исчезла рудничная лампа. Сторож отозвал Леонида Ивановича в сторону и доложил:

- Гляди, паря, знать, снова сыпануло. Аккурат вдарило, когда на третьей шахте вечером новый шурф рвали.

Инженер спустился в шахту и увидел, что снова случился обвал. Обрушился свод. Старателей Леонид Иванович поставил на ликвидацию завала, а сам поднялся вверх и из конторы позвонил инспектору горно-спасательной службы. Исчез табельщик, лампы нет ... Не иначе парнишка рискнул полезть в шахту один. Этого еще не доставало. Через час на взмыленных лошадях прибыли горноспасатели. Раз появились горноспасатели, значит, случилось несчастье. Их появление привлекло всеобщее внимание. Появился возле шахты и Никифор Симонов. Он был взволнован больше других.

- Гляди-ка, обвал, -рассуждал штейгер. -Обвал -оно, конечно, возможен. Четвертая, известно, с мягкой породой. Пески ...

- Зачем инспектора понаехали. Али засыпало кого?

- Не должно. Шахта-то одну смену робит. Не успели еще спуститься.

- Нет, засыпало. Мальчонку, которого позавчера взяли. Он и в бараке не ночевал.

- Раззявы. Уже ребятенков в шахту спускают.

Среди собравшейся толпы оказался и Михаил, а появился он сразу же следом за сторожем динамитного склада Червонным. Это по заданию Зыкова Михаил не спускал глаз со сторожа, не спускал уже вторые сутки.

На тринадцатом горизонте кипела работа. Подъемный механизм еще бездействовал, и длинная цепочка старателей принимала бадьи и ведра от горноспасателей, разбирающих завал. Породу наверх не поднимали, а сваливали в южной части штрека. Вдруг один из рабочих ударил кайлом о что-то металлическое. Разгреб породу и поднял исковерканный металлический осколок с обрывком оцинкованной проволоки, прикрученный к ушку.

Леонид Иванович и инспектор осмотрели находку. -А ушко-то, по всему видно, от взрывного механизма,-задумчиво проговорил инженер. Инспектор согласился:

- Да. Адская машина. Вредительство?

- Нет, скорее всего это "Подарок" еще от прежнего хозяина. - Леонид Иванович внимательно осмотрел обрывок проволоки.- Ржавая. Долго пролежала.

Через три часа упорной работы проделали проход в северную часть главного штрека. Туда вошли инспектор и инженер.

Первое, что они увидели -распростертого на полу табельщика. Воздушной волной Бронислава отбросило метров на пять, и он лежал между вторым и третьим восходящими забоями. Прибывший фельдшер расстегнул у пострадавшего воротник рубахи, наклонился над ним и, наконец, сообщил:

-Жив!

Счастливо отделался Бронислав -его скоро привели в чувство.

- Те, кто устанавливал адскую машину, - высказал предположение Леонид Иванович, - стремились к одному: создать завал. Мина была замурована под одной из стоек. Табельщик задел проволоку, протянутую поперек - и взрыв.

Бронислав глубоко вздохнул, открыл глаза и сразу же судорожно схватил сумку и прижал ее к груди.

- Ишь ты. За имущество ухватился. Значит, жить будет, - сказал кто-то из рабочих.

Горноспасатель взвалил Вебера на спину и понес на поверхность. Целых полчаса поднимался он по крутой лестнице с тяжелой ношей. На поверхности табельщика бережно уложили на носилки и понесли. Молча расступилась толпа, давая дорогу. Женщины старались взглянуть на лицо пострадавшего. Но Бронислава никто не знал. Странно повел себя сторож динамитного склада. Он выбрался из толпы и скрылся за постройками шахтного двора. За ним, стараясь не попадаться на глаза, двинулся Михаил.

Леонид Иванович и инспектор из горноспасателей направились в контору. Там начали составлять акт о происшествии в шахте.

- Чем же объяснить, Леонид Иванович, появление в штреке табельщика? - спросил инспектор.

- Право, не знаю, - развел руками инженер. - Романтика виновата. У парня глаза разгорелись, когда увидел схему шахты. Фельдшер говорит, что через пару часов можно будет поговорить с ним. Наказать придется за самовольство.

- А не действовал ли табельщик по чьей-нибудь указке? Не он ли ставил адскую машину и подорвался?

- Исключено, - возразил инженер. - Во-первых, молод, чтоб знать мины. Во-вторых, если бы ставил мину, то разорвало бы его на куски. Любопытство завело его туда, зацепился ногой за проволоку - и пожалуйста. Откуда ему было знать об этой чертовой проволоке?

- Загадка, - качнул головой инспектор. В это время ему почудилось, будто кто-то ходит под окном. Он выглянул, но нет - никого. И все-таки инспектору не почудилось. У окна притаился сторож динамитного склада. Он слышал почти весь разговор, но успел вовремя спрятаться за куст,

поэтому инспектор его не заметил. За сторожем неусыпно следил Михаил. Любопытно, почему Червонный испугался, увидев полумертвого табельщика? Удивило Михаила и то, что сторож пробрался в кусты, под самое окно конторы. Ясно, чтоб подслушать чей-то разговор, но для чего? Выбравшись из кустов, сторож торопливо зашагал по тропинке в поселок. Остановился возле приисковой больнички, огляделся и, открыв калитку, пробрался к раскрытому окну палаты. Забравшись на фундамент, заглянул в окно. В палате стояло две койки. На одной из них лежал табельщик. На лице - ни кровинки, но дыхание было уже ровным. Бронислав спал. Дальнейшее произошло совершенно неожиданно и спутало все планы Михаила. Когда он уходил по заданию Зыкова, то прихватил с собой Пальму. Поскольку с собакой по поселку ходить было неудобно, он оставил ее у знакомого. Но Пальма каким-то образом сорвалась с привязи. И в тот момент, когда сторож взобрался на фундамент, намереваясь, видимо, залезть в окно, Пальма бросилась на него. Коль человек лезет в окно, значит, он вор. К тому же ее хозяин так неодобрительно смотрит на этого незнакомца. Пальма перемахнула через палисадник и вцепилась в ногу сторожа. Дикий крик нарушил тишину. Михаил ворвался в палисадник, с трудом оттолкнул Пальму.

- Тихо, тихо! Что ты, скаженная, наделала? - успокаивал Михаил собаку, которая еще дрожала от ярости и, прижимаясь к ноге хозяина, рычала на сторожа.

- Чтоб ты сдохла! Поразвели тут кобелей! - орал сторож.

На крик прибежал фельдшер, заволновался:

- Что тут происходит?

- Вишь, собака покусала. Ни с того ни с сего бросилась, проклятая ... - стонал сторож и повернул к Михаилу злобное лицо: - Может, бешеная она, бешеная, да? Я тебя тогда задушу!

- Ты на меня не кричи, - нахмурился Михаил. - Не полез бы в окно - и штаны были бы целы.

Фельдшер только покачал головой и сказал пострадавшему:

- Пойдем, перевяжу, укол сделаю. И ты пойдем, - махнул он рукой Михаилу. - Акт придется на тебя составить.

После перевязки и укола сторож стал стонать и охать:

- Ох, холера, видать, какую-то жилу перекусила, ступать не могу.

- Ничего страшного нет, - успокаивал его фельдшер.- Через пару дней заживет.

- Тебя не покусали, ты и говоришь "заживет". Слышь, фершал, а может, отлежусь у тебя?

- С таким пустяком и лежать стыдно. А впрочем, как хочешь. Можешь и полежать. Через пару часов еще укол поставлю. Может, и впрямь бешеная собака.

Фельдшер отвел сторожа в палату, в которой спал табельщик, положил больного на свободную койку и вернулся.

- По делу акт на тебя составить надо,- сказал он Михаилу.- Да, кажется, Филипп сам виноват. Чей будешь?

- С лесничества ... - уклончиво отозвался Михаил и вышел из больнички.

К обеду из станицы возвратился Петрович и, не распрягая коня, побежал на четвертую шахту, разыскал Леонида Ивановича.

- Где тот чертенок? - закричал на ходу. - Я из него душу вытрясу!

Леонид Иванович, знавший Петровича как уравновешенного и добродушного человека, удивленно спросил:

- Ты ли это, Петрович? Успокойся ... О каком ты чертенке?

Но старик разошелся не на шутку. Трясущимися от волнения руками он несколько раз снимал и протирал платочком очки. Видно, кто-то крепко обидел старика, раз он так разволновался.

- Каком, каком ... О табельщике твоём, вот о ком,-обиженно выпалил Петрович, понемногу успокаиваясь.- Он мне вчера голову морочил про Ивана. Черт ему дядя, а не Суставов ...

- Погоди, погоди,- нахмурился инженер. - Ты ничего еще не знаешь?

- Знаю, знаю,- горячился Петрович.- В станице был и Ивана встречал. Нету у него таких племянников - и весь сказ.

- Да я не про то,- поморщился инженер и рассказал

Петровичу о случае на шахте. Старик не успокаивался:

- Я вот ему задам! В больницу пойду и выпорю, хоть и болен он, обманщик.

- А может, не стоит? - вдруг услышали Леонид Иванович и Петрович спокойный голос, и оба обернулись к двери. В контору вошел Иван Зыков, вернувшийся только что из Златоуста. Он предъявил удостоверение Леониду Ивановичу и попросил рассказать об аварии. И пришлось инженеру в который раз рассказывать о происшествии с табельщиком. Потом Зыков обратился к Петровичу:

- Так вы говорите, вас позавчера обманули? Петрович даже покраснел от досады, что его провел какой-то мальчишка.

- Виноват, проглядел,- смутился он.- Думал помочь парню, жалко стало, а вот поди-ко ты!

- Ну, ничего, бывает,- успокаивал Иван старичка.- Разберемся. Прошу вас о нашей беседе молчать до поры до времени.

В конторе прииска Зыков встретился с Михаилом, и тот доложил Ивану обо всем виденном и слышанном и добавил, что сторож пробудет в больничке часа два-три.

ЧЕТВЕРО В ШАХТЕ

Закончилась шахтерская смена. В столовой прииска горячо обсуждались события дня. Одни говорили, что мальчишка-табельщик просто из любопытства спустился в шахту, другие придавали этому происшествию более серьезное значение.

- Не иначе подослали волчонка. Пощупать бывшего штейгера неплохо бы. Уж больно он волновался: "Обвал, обвал" ... С чего бы это?

Вспоминали штейгера и в приисковой конторе. Михаил и Иван Зыков держали между собой совет.

- Взять всех сразу? - размышлял Иван.- На Моховом - Степана Репникова, в больничке - сына полковника, на динамитном складе - Артура, или Червонного, как он себя зовет.

- Никифора Симонова тоже пощупать надо, - сказал Михаил.- Что-то он темнит!

- Интересно! А ну, поподробней о нем.

- Суетился во время аварии. Твердил, будто обвал должен произойти, мол, порода мягкая. А инженер говорит - ничего подобного, хорошая порода.

- Да, тут надо обмозговать. Пожалуй, сделаем так. Ты возьмешь двух рабочих- коммунистов и пойдешь на Моховое. Но Степана будешь брать лишь в том случае, если он задумает уйти, не дождавшись сторожа. А сторожем займусь сам. Договорились? Ну, давай. Да будь осторожен. Возьми револьвер, для тебя прихватил. -Он подал Михаилу оружие.

Через два часа фельдшер решил навестить больных. Но сторожа в палате уже не было. Табельщик не спал.

- А где же Червонный? - спросил фельдшер.

- Н-не знаю,- ответил Бронислав. - Какой Червонный? Я спал. Фельдшер проверил у больного пульс.

- Ого! Неважный пульс, неважный, придется полежать денек-другой, а там снова на шахту отпущу.

Но Бронислав вскочил с койки, схватился за грудь и закричал: - Украли! Сумку украли! - и затрясся в припадке. Фельдшер помог ему лечь на койку, успокаивая. А Бронислав, ослабевший вконец, тихо всхлипывал и больше не порывался встать. Он лежал бледный, дрожащий и испуганно смотрел на фельдшера. А фельдшер думал: "Как бы не рехнулся мальчишка, ишь сколько натерпелся. Взрыв, а тут еще сумку стащили".

В то время, когда Бронислав плакал о потерянной сумке, в контору прииска зашел рабочий, широкоплечий и голубоглазый.

- Мне бы Ивана Зыкова,- сказал он.

- Я Зыков, - поднялся ему навстречу Иван. -Если не ошибаюсь - Филипп Червонный?

- Так точно. - Ну и отлично. Вовремя прибыл.

... На поселок спускались тихие августовские сумерки. Рабочий день кончился. Но в шахте вдруг замигал огонек, потом исчез. Послышались торопливые шаги, а вот и тень человека. Тот держит в руках рудничную лампу, стараясь закрыть ее так, чтоб она освещала только дорогу под самыми ногами. Кто бы это мог быть? Ага, да это же сторож динамитного склада.

Зыков теперь узнал его. Значит Иван рассчитал правильно. Искать где-то сторожа динамитного склада не было смысла. Ясно, что он приползет в шахту, конечно, он уже сумел все разведать и теперь шел наверняка. Иван с настоящим Филиппом Червонным притаились и следили за каждым движением сторожа.

Вот он, тяжело дыша, прошел мимо них, завернул в северную часть штрека и скрылся за поворотом. Пройдя ко второму восходящему, он вынул из кармана гимнастерки бумажку, стал внимательно ее рассматривать, подсвечивая себе лампой. Зыков и Филипп бесшумно следовали за ним.

Но ни сторож, ни Зыков с Червонным не предполагали, что в шахте есть еще один человек. Очевидно, опустил он сюда еще засветло. Сторож, спрятав бумажку, двинулся дальше, и тут четвертый, который спустился в шахту раньше всех, выполз из своего укрытия и, отвернув полу брезентовой куртки, направил луч света от рудничной лампы в лицо сторожа.

- Так, так, саранча слетается,- прохрипел тот человек.- Выходит, решил поживиться?

- Кто ты? - испуганно воскликнул сторож и попятился было, но крепкая рука схватила его за плечо.

- Куда же ты, паря? Один хотел попользоваться? Нехорошо, Артур. На чужой каравай рот разинул. Ан не вышло. Делить придется полковничье наследство.

- Ты кто? Какой Артур?! Я- Червонный ...

- Ишь ты. Ты такой же Червонный, как я Иисус Христос. Смотри! - Человек на миг осветил себя фонариком, и сторож узнал угрюмое, морщинистое лицо бывшего штейгера.- Так-то, милоч. Я, Никифор Симонов, сопровождал когда-то Вебера до самого третьего восходящего и честно хранил тайну.

- И знаете, где золото зарыто? - воскликнул сторож.

Как раз и не знаю. Восходящий большой, весь не перекопашешь, а полковник был хитрый. Заминировал и обвал при этом сделал. Не пустил меня к тайнику.

С братцем моим орудовали, а я караулил в штреке.

Вот и выходит: два тому наследства - Вебера и Симонова. Мальчишка-табельщик, да я - законные наследники.

- А ты? Самозванец! Пройдоха! Червонный? -иронически протянул Никифор.

Но тут же переменил разговор и металлически строгим голосом приказал:

- Давай схему. Знаю, ты ее выкрал у сына полковника.

- Не дам! -отпрянул от Симонова сторож. -Я законный наследник, а не вы, оборвыши. Мне, своему боевому товарищу, полковник Вебер доверил тайну. Он погиб по дороге в Китай. Я был у него адъютантом.

- Заливай, заливай,-усмехнулся Симонов. -Не таким человеком был полковник, чтоб тебе, прощелыге, доверить тайну.

- Доверил -клянусь честью! -горячо зашептал сторож.- Доверил! Полковник боялся, что не разберется сын в схеме. Когда его ранило и он понял, что умрет, он сказал мне: " в переплете книги спрятан документ." Я нашел, я! Разделим богатство на троих со Степаном и ...

- Очумел?! -зарычал Симонов. -На троих... к черту на троих!

- Еще лучше, нам больше достанется,-лихорадочно шептал сторож, и вроде бы Симонов согласился с ним. Дальше они пробирались уже вдвоем. Вот и узкий колодец. От него в разные стороны ответвляются забои, из которых старатели добывают золотоносную породу. Много нужно подать руды на гора, чтобы получить несколько золотников дорогого металла. Но четвертая шахта -богатая. Здесь часто попадают и самородки. Лет пятнадцать назад был найден двух фунтовый "подсвинок" как старатели называют самородки.

Никифор Симонов не смотрел по сторонам, он глаз не спускал со своего спутника. Сторож проник в левый забой и начал изучать одну из стоек входа.

Наконец обрадованно воскликнул:

- Есть! Крестик. Слышь, Симонов, а не завалится, если копать начну?

- Не должно. Меряй да копай легче. -Штейгер поостерегся, ждал у входа в забой, пока сторож орудовал обушком. Несколько ударов, и тайник вскрыт. Он обшит досками, а внутри две цинковые коробки.

- Запаяны,-шепотом произнес штейгер, принимая

коробки от сторожа.- Гляди, и надписи.- Он посветил получше и прочел на одной "П-к В-р", на второй - "С-ов".

- Вишь, как хорошо получилось? - обрадовался Симонов.- Ясно, кому что. И вскрывать неча. Бери ту, где Вебер писал, и дели ее с кем хошь. А это моя.

Он любовно погладил коробку, прижал ее к груди. Он вроде бы и ростом выше стал, выпрямился, будто скинул тяжелое бремя с плеч.

Сторож не возражал. Штейгер, получив свою банку, стал вылезать из забоя. Бывший адъютант замешкался, укладывая вторую банку в сумку. Одев сумку через плечо, он нагнал Никифора уже у входа в главный штрек. Штейгер поджидал его. Но когда старик повернулся к нему спиной, сторож выхватил нож и занес его над Симоновым. Но ударить не успел. Он болезненно крикнул и присел от резкой боли в плече. Руку завернул за спину кто-то сильный и ловкий. Сторож упал. Свалил его Филипп Червонный. Сторож подумал, что это сообщник Симонова, и зарычал:

- с помощником ходишь, хамло!

Попытался было дотянуться левой рукой до ножа, но скоро понял, что это бесполезно. А штейгер, почуяв неладное, кинулся бежать к выходу, но вдруг растянулся, запнувшись за веревку, предусмотрительно натянутую Иваном Зыковым. Он лежал не шелохнувшись под ярким лучом лампы.

- Встать! - тихо, но властно скомандовал ему Зыков.

Вдалеке замелькали новые огоньки. Послышались голоса - это спешил на помощь Зыкову и Червонному Леонид Иванович. Никифор понял, что все пропало, втянул голову в плечи. Вскоре подошел Червонный со сторожем, у которого были скручены назад руки.

- Управился? - заботливо спросил Иван у своего помощника.- Не ранил он тебя?

- Я из него, зануды, вытряс бы душу тогда.

- Ну и отлично.

Задержанных привели в контору. Банки с золотом полковника Вебера и хозяина шахты золотопромышленника Симонова сдали Петровичу. Арестованных Никифора Симонова и сторожа динамитного склада - Артура - сторожить поручили дежурному охраннику.

- Кончилась твоя кошкина жизнь,-мрачно сказал Филипп Червонный своему "двойнику". -Слышишь ты, бандит белоказачий. Твоей сказке конец. Сегодня заберем и твоего дружка.

У МОХОВОГО БОЛОТА

Тихо. Изредка слышится плач совы -ночной охотницы. В болотных кочках и камышах притихли утки, готовящиеся к дальнему перелету в теплые края. Ничего не видно, хоть глаз выколи. Еле-еле виднеется столбик возле поворота к болоту от карасинской дороги.

На том месте, где раскинулось Моховое болото, было озеро. Старики помнят, что на его берегах росли столетние сосны и лиственницы. Их вырубili. Заросло озеро камышом. Дорога проходила по узкому, как лента, перешейку, от нее вихляла тропа к островку. Там сохранились могучие деревья. Сюда то, по предположению Ивана, и должен явиться Степан Репников. Михаил, двое рабочих прииска и верная Пальма спрятались возле самого поворота дороги. В полночь застучали колеса подводы. Репняков на свидание явился вовремя, не было только сторожа. Михаил решил пропустить его на остров.

- Не упустить бы ... -озабоченно промолвил один из рабочих.
- Не убежит, -шепотом ответил Михаил. -Другой дороги с острова нет.

Минуты ожидания текли томительно медленно. Но вот Пальма подняла голову, прислушиваясь. На дорожке появились две тени. Одна остановилась и, умело подражая филину, вскрикнула.

Михаил ответил и одновременно зажал собаке пасть, успокоил ее. Подошли Зыков и Червонный.

- Там? -тихо спросил Иван.
- Один,-кратко ответил Михаил.
- Остальных взяли,-пояснил Иван.-Скоро взойдет луна. Вы останетесь здесь,-сказал он рабочим,-а Михаил и Филипп пойдут со мной. Пошли.-И трое растаяли в темноте.

Островок был маленький. Травянистая лесная дорожка

вела к единственной охотничьей избушке. Там слышался шум - будто отдирали доски. Светился фонарь. Степан вскрывал погреб-тайник и не заметил, как к нему приблизились трое. Он действовал так неосторожно потому, что никого, кроме сторожа, сюда не ждал.

Степана скрутили быстро. Испуганный и растерянный, он и не пытался сопротивляться. В тайнике хранились шубы, платья, меха. Погрузить на одну подводу не сумели. Михаила оставили на острове, а Филипп Червонный на подводе отправился на прииск. Туда же пошел Иван Зыков, ведя Степана со связанными руками.

В конторе прииска их ожидал неприятный сюрприз. Охранник был связан, а сторожа и Симонова... след простыл. По тревоге подняли рабочих прииска, обыскали дом Никифора Симонова, заброшенные шахты, но беглецов не нашли.

Охранник рассказал, что за полчаса до возвращения Ивана Зыкова сторож заохал и застонал: у него заболела укушенная нога.

- Бешеная, бешеная была собака,-кричал он,-умру! Помоги хоть перевязать. Руки-то, вишь, связаны.

Охранник опустил на колени и начал перевязывать ногу, а сторож неожиданно ударил его коленом в подбородок. Что было потом, охранник не помнил.

Иван послал Филиппа Червонного на Моховое болото.

СНОВА В ЛЕСНОЙ СТОРОЖКЕ

... Лесные сторожки по всему Ильменскому заповеднику построены на один манер. Сама изба неприхотливая и небольшая, зато крепок двор и рубленый амбар, в котором хранятся припасы на зиму: сушеная рыба, ягоды, вяленое мясо. И хлеб укладывается в ларь. В амбар ни один зверь не проникнет. А кроме как от зверя, от кого еще прятаться в лесу? Двери амбаров имеют крепкую задвижку из лиственницы -и все. Замков нет. А сеновалы у лесников всегда под тесовой крышей с окошками -"продухами". Возле такого окна и устроились ребята. Петьке давно хотелось рассказать,

куда и зачем уехали Зыков и Михаил, да все как-то не решался, помня предостережения Ивана. А тут не выдержал, взял Генку за руку и сказал:

- Знаешь, кто был тогда на берегу? Потом он еще с нами сюда приехал? Знаешь? Из самого ЧК, вот кто ...

Генка удивился. Зыков из самого ЧК? Здорово! Ну, а дальше? Но Петька неожиданно замолчал: он сосредоточенно смотрел в оконце и увидел, как на поляне, перед домом, появился вначале один человек, а затем и другой - коренастый, густобородый старик.

- Никого нет? - спросил старик того, что моложе.

- Лесника мы видели, когда он уезжал, а старуха в бане. Собаки боюсь,- сказал молодой.

- Собаки нет. Это ведь она тебя кусала на приiske. Я знаю - она там с сыном лесника.

- Смотри-ко ты! А я не знал. Тогда пошли.

Оба осторожно вошли во двор, Артур было направился в дом, но Симонов остановил его.

- Не ходи. Припасы у них в амбаре. Там все есть. Лесник здесь запасливый.

Первым в амбар вошел Артур. Старик воровато осмотрелся, спросил:

- Ну, как?

- Добра сколько хочешь. И мешок нашел. Заходи, чего торчишь? Старик тоже скрылся в амбаре, прикрыв дверь.

- Петь, Петь, это разбойники? - клацая зубами, спросил Генка.

- Запрем? - спросил Петька. - Убьют.- Генку била лихорадка.

- Э, трус. Пойдешь или нет? - П-пойду.

Петька и Генка тихо слезли с сеновала, на цыпочках подобрались к амбару, захлопнули дверь, закрыв ее на задвижку, и бросились к бане.

- Т-т-е-тя Аня, т-тетя Аня-аа! - кричал Петька. Полураздетая, выскочила из предбанника тетка.

- Что ты так орешь, напугать ведь можешь!

- Там, там! - твердил Петька и пальцем на дверь амбара показывал. У дверей ни жив, ни мертв топтался Генка.

Тетя Аня, на ходу застегивая кофточку, спешила к амбару.

- Не открыва-а-й! Там воры! .. - заорал Петька. Лесничиха и не собиралась открывать, она сама не на шутку испугалась. Тетя Аня сходила в избу, вынесла оттуда карабин, спросила приятелей:

- Сколько их там?

- Двое,- прошептал Генка.

В амбаре зашевелились. Артур крикнул:

- Слышь, тетка, открой! Не тронем!

- Я те открою, - пригрозила тетя Аня. - Я те открою.

Она не знала, что и делать. Осталось одно - караулить амбар, пока не вернется Егор Васильевич. Тот приехал уже в сумерки. Увидев жену, сидящую на крыльце с карабином в руках, и притихших ребят, которые с двух сторон прижались к ней, он понял, что произошло что-то неладное.

- Что еще стряслось? - спросил он обеспокоенно.

- Ой, Егорушка. Они кого-то закрыли в амбарушке,- сообщила жена лесника.

Петька и Генка стали было рассказывать наперебой, но он их прервал.

- Не галдите, чертенята. А ну, дай, Аннушка, карабин. Мы сейчас побалакаем.- Он подошел к амбару и спросил строго:

- Кто там, отвечай.

- Свои, Васильевич,- ответил Симонов.

- Кто свои?

- Никифор я, Симонов, - штейгер. Знаешь ты меня. Да вот Филипп Червонный со мной, заблудились мы.

- Ну, это мы проверим. А пока посидите.

РЕБЯТА ВСТРЕЧАЮТСЯ С ФИЛИППОМ ЧЕРВОННЫМ

Во время обыска в доме Никифора Симонова обнаружили рассыпное золотишко. Из тайника на острове Мохового болота извлекли три подводы ценных вещей. Ковры и другое добро передали недавно построенным дачам златоустовских рабочих, а одежду и обувь - в распоряжение комитета бедноты.

- Михаила и Филиппа Червонного Иван Зыков отпустил.

Ждет, небось, лесник своего сына, да и Филиппу на работу пора. Наказал:

- Будь осторожней, Филипп. Тебя один раз уже убивали, счастливая твоя звезда - отлежался. Больше не давай себя в обиду, в оба смотри. Что ни говори, а бандиты сбежали.

Кошки скребли на душе у Филиппа Червонного. Иван успокоил его :

- Иди, иди, братишка. Никуда не уйдет твой "тезка".
Поймаем ...

Михаил уговорил Червонного махнуть через заповедник с ним вместе. До разъезда от избышки лесника - рукой подать.

Когда стали подходить к кордону, Пальма убежала вперед: дом почуяла. А в ограде - к амбару и залилась в лае. На крыльце дома с карабином на коленях сидел Егор Васильевич.

- Ты чего, тятя, вооружился-то? - спросил Михаил, входя во двор.

- Да, вишь ты, мы с ребятами зверей в амбарушку заманили, - и хитровато улыбнулся. - Тех, за которыми ты гонялся. Ты где-то бегал, а Петюнька с приятелем захлопнули их.

- Нет, правда? Захлопнули?! - обрадовался Михаил. - Пляши, Червонный, твой "тезка" попался. Придется на прииск возвращаться. Доставить бандитов.

- А может, в станицу? Иван собирался туда.

- И то дело, - согласился Егор Васильевич. - Ночу подежурим: Утром и поедем.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

В эту ночь ребяташки долго не спали. В первые часы на охрану пойманных бандитов встал Филипп Червонный. Тетя Аня вынесла на крыльцо тулуп с широченным лохматым воротником.

- Укройтесь. Свежо нонче... А вам бы, ребятки, и спать пора ... Генка с Петькой и ухом не повели. Тетка ушла в избу.

Филипп широко разбросил полы тулупа, сел посредине, а с боков примостились приятели.

- Дядя, а дядя, Расскажи, пошто и ты Червонный.

- и этот ... бандит? - спросил Петька, мотнув головой в сторону амбарушки.- Нешто он тебе родня? ..

- Да нет, не Червонный он вовсе. Только имя мое украл. Да сколько веревочке ни виться, а конец всегда будет.

- Как же имя украсть можно? Вот я - Петька. Зачем, к примеру, Генке имя мое? У него и свое ничего. Правда, мое лучше.

- Что верно, то верно. Все имена хороши. Да если душа у человека поганая, то и старается он скорлупу найти себе более подходящую. А у Артура не только душа грязная. Весь он в крови народной.

Филипп молча достал из тужурки кисет, свернул длинную сигарку, раскурил ее и начал свой рассказ.

- Тут такое дело вышло, ребята. Служил, значит, я в Туркестане. Это уже после победы над Колчаком меня в те края направили. Басмачи там житья Советам не давали. Целые кишлаки вырезали.

Однажды наш красногвардейский отряд крупную банду окружил в степи, далеко от жилья. Три дня скачи - до города не доскачешь. А в степи той колодцы - вся жизнь. А без воды - пропадешь. Бандиты как раз в оазисе и отсиживались. Вода у них есть и жратвы, видать, хватало. А для нас пески только и оставались. Взяли мы басмачей только на третий день. Да не всех захватили. Русский полковник со своим адъютантом проскочили через наши заслоны,- и ходу к границе.

Командир нас троих вдогонку направил. Покрепче выбирал. Как-никак трое суток на жаре без воды бойцы обходились.

Догнали мы их. Измучились. Один, помоложе который, вовсе скис. Так и отстал. И сейчас не знаю, жив он или кости в степи песком занесло. Двое надвое схватились. Дружок мой от первой же пули свалился. И не встал, сердешный. Вот и навалились на меня полковник со своим адъютантом. Рубились здорово. Артур этот самый рубанул меня по голове. Видать, рассчитывал насмерть ударить. Но и я к тому времени уже полковника успокоил.

Филипп потрогал глубокий шрам, пересекающий его высокий лоб, нахмурился и продолжал :

- Да и мне вечно бы в песках лежать, да командир вслед за нами подмогу направил.

Очнулся я, когда воды глотнул. Осмотрелся. Полковник убитый рядом с товарищем моим лежит. Кони тут же ходят. Они в степи от человека ни на шаг. Только не все лошади на месте оказались. Да и адъютанта полковничьего след простыл.

Книжки своей красноармейской в кармане гимнастерки я так и не нашел. Вместе с ней справка от околотка больничного была. Обещали меня на Урал направить. Ранен я был накануне. Но отлежался и ехать из отряда наотрез отказался. А тут, как на грех, лишился документов ... Еще тогда подумал, что не иначе как адъютантишка присвоил. Теперь вот и в самом деле так оказалось.

- За чем же он в Непряхино-то оказался, - любопытствовал Генка.- Ему ведь опасно здесь было.

- Опять же сокровища виноваты,- отвечал Червонный.- Тайник какой-то полковничий со Степаном Репниковым все время искал. Наверное, так и не нашли бы, да сын полковника на прииске объявился. В какой-то книге, говорят, чертежи нашел. Сам, молокосос, захватить пытался. Теперь всех и накрыли.

- Петь, Петька,- осенило Генку. - Так, значит, мы Броньке-то книгу с чертежами отдали ...

Петька и сам догадался, что путь к тайнику в их руках был.

- Вот это да! - воскликнул он и стукнул кулаком себя по коленке. - Самим бы лопухам, докопаться надо. Отдали богатство долговязому ...

- Ну, это вам, Петр Иванович, пожалуй, и ни к чему, - обнял ребяташек Червонный. - Не думаю я, чтобы вы на народные деньги позарились. Ведь правда?

- А мы бы и не взяли себе,-насутился Петька.-В Совет бы отдали ... Дом полковничий ремонтировать ... А самим захватить интереснее все-таки.

- Хорошо вам, большим-то, - поддержал приятелей Генка.- Бандитов ловите. Тут пока подрастешь, и воевать не с кем будет.

- Ну, это ты зря, Гена,-улыбнувшись сказал Филипп.- Полковничьи-то корешки и вам вырывать еще -

- придется. Остались еще в станице вашей и Репниковы, и Веберы разные, и Артуры ... На крыльце появился Михаил. Потянулся с хрустом, огляделся. Заметил ребят.

- Вы что это, полуночники, не спите? А ну марш на сеновал.

- И то правда. Пошли, орлы,- сказал Филипп.

Червонный сгреб ребяташек вместе с тулупом и, посмеиваясь, повалил- на крыльцо.

Вскоре на сеновале раздался богатырский храп Червонного.

- Уснул. Вишь, как намаялся. Бандитов-то не просто ловить. Давай и мы спать будем,- сказал Генка.

Свернулись ребята под одним одеялом, но каждый думал о чем-то своем. Так незаметно и свалил сон переполненных впечатлениями ребяташек.

СМОТРИ ПЕТЬКА, НЕ ЗАДИРАЙ НОС

Ночь прошла спокойно. Утром приятели запросились в станицу. Егор Васильевич уговаривал их еще пожить у него, но выручил ребяташек Филипп Червонный. Он сказал:

- Нехай едут. Веселее будет.

Пока ребята собирались, Михаил с Филиппом связывали арестованным руки. Карабин в руках бывшего красногвардейца - надежная охрана. Да и Пальма с ними. Двинулись в путь первыми.

Через час выехали и ребята с Егором Васильевичем. Догнали Михаила и Филиппа почти у самой станицы.

А на другой день Петька, собрав у крыльца сельсовета ребяташек, хвастался:

- Сам Червонный спасибо сказал нам, вот нам за это одежду выдадут. Будет теперь в чем в город ехать учиться.

- Ладно тебе, Петька, врать-то,- осадил Иван Суставов сына, выходя из Совета.- Нос-то не задирай. Жизнь еще не мало тебе шишек наставит.

Пожалуй, больше всего ребята переживали из-за того, что Броньку никак не наказали. А надо бы! Через

несколько дней Бронислава привезли на подводе из приисковой больницы.

Петька, увидев это, с возмущением произнес:

- Ишь ты, фон-барон. Доставили целехонького. Выманил книгу. Мы бы и сами разобрались, чё к чему. А то полез в шахту. Тоже "шахтер" выискался!

Вот такая история приключилась много-много лет назад с Петькой и Генкой, которые жили в станице Чебаркульской, той самой станице, что раскинулась в благодатном краю голубых озер.